

ЛАРИСА СОБОЛЕВА

ДЕТЕКТИВ ПО НОВЫМ ПРАВИЛАМ

ТАМ, ГДЕ
НАСТОЯЩЕЕ
ПЕРЕПЛЕТАЕТСЯ
С ПРОШЛЫМ, —
ВОЗМОЖНЫ
НЕОЖИДАННЫЕ
ПОВОРОТЫ
СУДЬБЫ...

СМЕРТЕЛЬНАЯ ЦЕНА УСПЕХА

Лариса Соболева
Смертельная цена успеха
Серия «Детектив по
новым правилам (АСТ)»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=18408707
Соболева, Лариса. Смертельная цена успеха: АСТ; Москва; 2016
ISBN 978-5-17-084294-0

Аннотация

Страх опустился на город. По вечерам на его улицы выходит маньяк, который зверски убивает молодых красивых женщин. Пустыри, зона лесопарка – вот его главные охотничьи места. А потому нет ничего опаснее оказаться там ближе к вечеру. В ту роковую ночь медсестра Оленька застала своего мужа с любовницей – и, не помня себя от горя, очутилась в пустынном парке. Никто не напал на нее, не обидел. Но наутро стало известно, что другая девушка была убита в парке маньяком. И ведь действительно Оленька видела в лесопарке какого-то мужчину. Но почему он не бросился на нее и позволил уйти? Почему? Через некоторое время молодой красавец приносит сумку, которую она обронила в парке той ночью. А еще через некоторое время Оля понимает, что... знакома с убийцей...

Книга также издавалась под названием «Список нежных жертв».

Лариса Соболева

Смертельная цена успеха

© Л. Соболева

© ООО «Издательство АСТ», 2016

Ранее книга выходила под названием «Список нежных жертв»

* * *

Вечер последнего дня августа выдался тихим и был наполнен тем удивительным покоем, который сродни деревенскому. Неподалеку от центральной части города, где за последние годы выросли современные коттеджи, но пейзаж продолжали портить оставшиеся еще стоять старинные и обветшалые дома, произошло ЧП.

Люди в милицейской форме, приехавшие по срочному вызову, хохотали, стоя вокруг старухи, извергавшей ругательства. Не смеялся только старший группы. Он хмурил лоб и почесывал зубами губы, глядя на старуху с откровенной антипатией. Мало того что она обманула родную милицию, вызвав на ложное происшествие, так вдобавок требовала вытащить из подвала кошку. Сама, видишь ли, боится спуститься туда. Старший оперативной группы, казалось, думал, какую

казнь применить к ней.

– Чего бельмами ворочаешь? – гундосила бабка. – Ишь, не нравится ему, что за помощью обратилась пожилая женщина. А куда ж мне обращаться? Одинокой-то? Достаньте кошку. Породы неизвестной. Цветом белая. С темным носиком и ушками.

Старший группы громко выдохнул и отвернулся в сторону. Он, человек в форме и при погонах, был сейчас готов совершить преступление – задушить старуху собственными руками.

– Да че там, давайте сходим в подвал... – предложил самый молодой из группы, подмигивая товарищам. Мол, бабка все равно ведь не отстанет, да еще и жалобу может наклепать.

– Ну иди, – процедил старший.

И еще один вызвался сходить в подвал за кошкой. Оба вошли в дом – старый дом, который мог стать историческим достоянием, если бы его вовремя отреставрировали. Обветшалое двухэтажное строение имело внизу два подвала – верхний и нижний, о чем не преминула сообщить старуха. Так вот, бабкина кошка застряла наверняка в нижнем подвале, а там темно. Два милиционера спустились вниз и, как только подошли к двери, ведущей в нижнее помещение подвала, включили фонарик. Скрипнула дверь, тяжело, со скрежетом приоткрылась. Дверь разбухла от сырости, посему открылась не до конца, милиционеры по очереди протиснулись внутрь. Первым прошел молодой милиционер и стал. Когда второй

попал на площадку перед спуском, парень в ужасе выругался:

– Мать твою... Откуда их столько?

Пол нижнего подвала находился в движении. Здесь кипела своя потайная жизнь, а двое людей нарушили ее обычное течение. Милиционер водил лучом, не решаясь спуститься вниз. Кошки, кругом одни кошки. Одни убегали от луча, коротко рыкнув, некоторые сидели, сверкая адскими глазами и издавая шипение, другие лежали, лениво приподняв голову и щурясь на свет. Нахождение здесь кошек в таком количестве было необычным, выходящим за рамки реальности. У пришедших создалось впечатление, будто попали они в потусторонний мир. Но никак не в рай! Второй милиционер вымолвил, опешив:

– Сколько ж их тут?

Действительно, сколько? Двадцать? Тридцать? Казалось, кошек собралось в подвале несметное множество, а пришельцы сверху вызывали у этих тварей агрессию.

Вдруг молодой человек с фонарем вздрогнул и сдавленно прошептал:

– Смотри, смотри...

Второй сначала посмотрел на него, а затем, увидев непередаваемый ужас в его глазах, проследил за взглядом напарника. Луч фонаря устремлялся в дальний угол подвала и упирался в стену. Сначала милиционер разглядел тень на стене – тень от изящной руки, а рядом кошачью фигуру. За-

тем он понял: раз есть тень, должна быть и сама рука, поэтому сосредоточил взгляд ниже. И он увидел ее – руку, торчащую из груды непонятного хлама. Рука была женская, тонкая, с длинными пальцами. Но только рука, тела он не увидел, судя по всему, оно находилось за грудой. Жути добавляла кошка, поднимая из глубин души суеверные страхи. Она сидела у руки, кошка светлой масти, и, щурясь на свет, вопила:

– Мя-ау!.. Мя-ау!..

* * *

Без обычной постепенности температура воздуха упала до восьми градусов. Одновременно подул промозглый ветер, а за ним на город обрушился ливень. Если неделю назад по лужам можно было бродить босиком, то в эту дождливую ночь хотелось укрыться от холода под надежной крышей, лечь в теплую постель и заснуть крепким сном, какой приходит в ненастье осенью. Внезапное похолодание возвестило о скоропостижной кончине лета. Собственно, о том же сообщала и дата на календаре – пятое сентября. Но рано, как рано в этом году атакует осень.

Оленька поздним вечером ехала в трамвае к мужу, стоя на задней площадке. Ее внимание целиком поглотили капли, стремительно стекающие по стеклу и оставляющие за собой причудливые дорожки. Вагон был пуст, впереди дремали на

сиденьях три человека, да кондуктор пересчитывала мелочь.

У больницы Оленька выпрыгнула из трамвая, раскрыла зонт и торопливо зашагала по аллее больничного сквера между темными силуэтами акаций и тополей. Она трусишка, поэтому старалась как можно быстрее проскочить темный отрезок пути, крепко сжимая в одной руке сумку, а в другой – зонт. Холодно. Ежась, Оленька подумала, что надо было надеть пальто. Но она постеснялась выглядеть глупо, ведь горожане пока еще не утепляются – слишком скоро нагрянул холод, не хотелось верить в конец лета.

Оленька не считала себя деревенщиной, но районный центр, где она росла и училась в школе, наложил на нее свой отпечаток. Ей до сих пор было трудно избавиться от комплекса, как бы это сказать... провинциальной провинциалки. Такое определение звучит, может быть, и нелепо, однако оно точно. Есть столица, вокруг нее города – это уже провинция, а вокруг городов – своя провинция, и так до самых государственных границ. Оленька родилась и выросла как раз в отдаленной от центра провинции. Несмотря на эрудицию и начитанность, она все-таки порой чувствовала себя деревенщиной. Впрочем, никто об этом не знал, кроме мужа. Да, на глубинную провинциалку свалилось неслыханное счастье – несколько месяцев назад она вышла замуж здесь, в городе, где училась в медицинском колледже. Виталька работает в той же больнице, что и она, только хирургом, а Оленька всего лишь медсестра. Зато какая! Ее обожают все, от главврача до

больных. Вот уж верно: каждый человек должен определить свое место, и тогда он будет в ладу с окружающим миром.

По куполу зонта тяжело, как будто с угрозой, барабанили капли дождя, вокруг стояла пугающая темень – ни фонаря на всем отрезке пути. Городские власти шевелятся лишь в период выборов, остальное время пребывают в спячке. Но они-то не ходят по темноте и в одиночестве, они ездят в автомобилях, поэтому их не заботит освещение переулков. По памяти Оленька огибала рытвины и канавки, однако в один момент не угадала дорогу, и нога погрузилась по щиколотку в холодную воду, аж дух захватило. Пожалуй, от простуды ее теперь спасет только горячий чай из термоса, который стоит в сумке. Озноб охватил ее тело то ли от сырости, то ли элементарный страх одинокого путника держал в напряжении. Выбравшись из лужи, Оленька побежала к приемному отделению, куда как раз подъехала машина «Скорой помощи», – раз дверь открыта, она воспользуется этим входом.

Отряхнув зонт и сложив его, она прошла через фойе больницы. Дежурные даже ухом не повели на постороннюю – Оленька свободно прошла к лифту. Поразительная беспечность! Так и террорист запросто пройдет куда угодно...

Оленька поднималась на свой этаж, представляя, как будет рад Виталька ватрушкам и чаю с бергамотом, как обрадуется, что она думает о нем и заботится, – вот, даже пришла к нему на дежурство. Он такой замечательный, веселый и коммуникабельный. Кстати, и великолепнейший специа-

лист. Он добрый и спокойный. За семь месяцев, что жена-ты, они ссорились всего раз пять, причем инициатором ссор была она, а примирений – Виталька, ведь Оленьку отличает провинциальное упрямство. Но с этим постыдным качеством она тоже усердно борется.

На этаже было спокойно, значит, «острых» больных не поступало. Оленька прошла мимо сонной дежурной медсестры, которая лишь приподняла одно веко и буркнула приветствие. У ординаторской Оленька посмотрелась в зеркальце, привела в порядок волосы и открыла дверь.

Ее встретила темнота. В первый момент она разочарованно подумала, что Виталька на операции, а это долгая песня. Но темнота была наполнена жизнью, той жизнью, которую прячут от посторонних глаз. Услышав учащенное пыхтение, Оленька, еще не сообразив, что здесь происходит, ладонью провела по стене, нащупывая выключатель. Наконец пальцы ее коснулись пластмассового прямоугольника.

Вспыхнул свет. Оленьке не надо было привыкать к электрическому освещению, а вот ее муж сощурился и зло выкрикнул:

– Какого черта? Кто там? Выключи свет!!!

Оленька ничего не слышала. Только видела. А видела она своего Витальку со спущенными брюками и голым задом. Он навис над миловидной докторшей из отделения, что этажом ниже, раскинувшей согнутые в коленях ноги. Довольно пикантно на ее упитанных «окорочках» смотрелись чулочки

с широкой кружевной резинкой. Короче, картина в лучших традициях эротических журналов. Докторша тоже сощурилась, пытаюсь понять, кто им помешал, причем на пике экстаза явилась, о чем свидетельствовали прерывистое дыхание обоих любовников и капли пота на их лбах. М-да-а, не вовремя решила Оленька навестить мужа...

Наконец Виталик рассмотрел жену, глаза его расширились, рука соскользнула с обнаженной груди докторши. Тут и она рассмотрела, кто пожаловал, непроизвольно охнула и спрятала лицо на груди партнера, то есть мужа Оленьки. В следующий миг девушка вздрогнула от его голоса:

– Оленька?!

Сколько неподдельного испуга, удивления и трусливой растерянности прозвучало всего в одном слове! А Оленька не поняла, что это было ее имя, она его забыла, вообще, забыла про все на свете. В мозгу вспыхнула случайная фраза: не верь глазам своим! Она и не верила. Разве можно в это поверить? Да вот беда: она не слепая, она все видела.

Сдвинув брови, Оленька сосредоточенно водила потрясенными глазами, замечая новые детали преступления мужа. Виталик смущенно, не вставая с докторши, натянул брюки на зад и замер. До сознания Оленьки долетел его робкий и одновременно глупый вопрос:

– Что ты тут делаешь?

Тем временем докторша лихорадочно прятала груди, похожие на силиконовые. Она запахивала кофточку, отвернув

красное лицо к стене. Ей было стыдно. Встать она не могла, потому что Виталик, закрывший телом обнаженную нижнюю часть партнерши, замер и не двигался. Наверняка ему неудобно перед женой. Неудобно было и докторше. Ее увесистые груди вышли из-под контроля – не запихивались под кофточку, как ни старалась она их спрятать.

Оленька опустила глаза на пол. У дивана небрежно валялись медицинские брюки из плотной хлопчатобумажной ткани сине-зеленого цвета, туфли на каблуках, сверху брюк лежали скомканные женские трусики. Из поля зрения не ускользнуло, что Виталик воровато поглядывал на жену, а докторша что-то невнятно пробормотала.

– Выйди... – попросил он с натугой.

Если минутой ранее Оленька готова была умереть и даже покорно ждала, когда сердце окончательно остановится, то эта просьба мужа эхом отозвалась в каждой ее жилке. Одно короткое слово заставило работать насос в груди, отчего кровь понеслась по венам с дикой скоростью. Оленьку захлестнуло негодование. Горло сдавило до такой степени, что стало нечем дышать, зато в голову неудержимой лавиной хлынули мысли... Ее муж заботится о крашеной шлюхе с нижнего этажа! Эта шлюшка не может встать и предстать голой перед женой любовника! Ей, видите ли, следует одеться без свидетелей... А сам он так и лежит меж раскинутых ног, опустив глаза, как стыдливая барышня... Ее муж, за которого она вышла замуж всего семь месяцев назад, с кото-

рым жила душа в душу, лежит почти на голой бабе и просит удалиться законную жену! Ему не важно, что жена едва не умерла, став свидетельницей омерзительнейшей сцены... Этот факт пробудил желание умереть позже, а сейчас сделать что-нибудь в отместку, не менее мерзкое.

Оленька вновь опустила взгляд, но теперь свирепый, на вещи докторши. Скрипнув зубами, она рванула к горке тряпья, отчего прелюбодеи втянули головы в плечи и зажмурились, ожидая, что разъяренная обманутая жена поколотит их. Но Оленька сгребла одежду докторши и запихнула ее в спортивную сумку, с которой пришла. Сквозь туман накативших слез она увидела в сумке термос, ватрушки, заботливо завернутые в компрессную бумагу, вишневое варенье в пол-литровой банке. Все это было приготовлено для него, единственного и ненаглядного... В следующий миг вишневое варенье оказалось на голове Виталика и потекло густыми струйками на лицо и белые космы докторши.

– Ты с ума сошла?! – все же подскочил он, поправляя брюки.

Новая картинка с эротикой имела мало общего, а стала достойна порножурнала.

Докторша, взвизгнув, свела коленки и натягивала на голые «окорочка» кофтенку, а та не натягивалась – коротковата. Докторша отвернулась к стене, намереваясь встать. Две половинки плотных ягодиц обожгли глаза Оленьки белизной, и в эти половинки она запустила пакетом с ватрушка-

ми, которые достигли цели, шмякнулись о ягодичы и посыпались на пол.

Третья волна нахлынула на Оленьку: ей нестерпимо захотелось убить обоих любовников, убить жестоко и страшно, чтобы они умирали долго, самой мучительной смертью на свете. Испугавшись, что она ненароком осуществит это желание, Оленька вылетела в коридор и пулей понеслась к лестнице.

– Оля! – больно ударил в спину голос мужа. – Я тебе все объясню...

Бежать, бежать от этого голоса! Далеко-далеко, куда-нибудь в Антарктиду! Только там она не встретит лживого Виталика.

Оленька успела заметить, как с хохотом скатилась со стула медсестра и спряталась под столом. Что так развеселило ее? На бегу она оглянулась. Виталька бежал за ней. Выглядел он невозможно смешно из-за бордовых потеков с задержавшимися в волосах бусинами ягод вишни, весь расхристаный. Так вот почему медсестра свалилась со стула! Ее насмешил вид хирурга Виталия Андреевича. А Оленьке не смешно, ужасно не смешно. Бежать, бежать!

Она неслась вниз, перескакивая ступеньки и едва не падая на поворотах. Воздуха! Ей не хватало воздуха, словно некто невидимый стянул грудную клетку широким ремнем и не давал вдохнуть. Ноги подкашивались. Оленька прилагала немалые усилия, чтобы держаться прямо. Она неслась

к выходу, чувствуя: если сейчас не вдохнет, умрет прямо на лестнице. Неслась мимо людей, ожидавших в приемном покое, мимо больных и родственников, мимо спящего на стуле милиционера, мимо всех.

Но вот она добралась до двери, распахнула ее и наконец вдохнула. Сжимая дверной косяк обеими руками, боясь упасть, она еще и еще вдыхала воздух, разбавленный влагой ливня. В голове шумело, перед глазами плавали цветные круги. Когда плавающие круги все до единого полопались, перед Ольенькой открылись ночь и ливень. Темная, глухая ночь и холодный осенний ливень. Так же темно было на душе. Так же неуютно и так же холодно.

– Закройте дверь! – послышалось из приемной.

Оленька бессознательно сделала несколько шагов к колонне, подпирающей огромный козырек над входом в приемное отделение, под который заезжают «скорые». Сзади громко хлопнула входная дверь, но не испугала. Неподалеку курили водители «скорых», с удивлением наблюдая за странным поведением девушки. Оленька страстно желала одиночества, хотела уйти подальше, чтобы никто не видел потоков слез, катившихся по щекам. И она вышла из-под навеса под дождь. Сначала Оленька плакала беззвучно, но, чем дальше она отходила от больницы, тем сильнее прорывались рыдания. У ограды, отделяющей больничный парк от города, она и вовсе разревелась белугой, схватившись руками за мокрые и холодные прутья, а потом уткнувшись в них лбом...

Инга засиделась допоздна у подруги за шитьем нарядов к предстоящему осеннему балу и теперь бежала домой. У нее нет швейной машинки, а на руках платье не сошьешь. Да и фасоны обе выбрали сложные, не для дилетанток.

Подруги так увлеклись работой, что не заметили, как время предательски пронеслось. Они нашли единственно верное решение: на изнанку никто смотреть не будет, с лицевой стороны изделия выглядят очень даже неплохо. А потом, когда они закончат и отутюжат швы, и вовсе получится изумительно, любой модельер выпадет в осадок. Правильно говорят: портной гадит, утюг гладит. Осталось дошить всего ничего, но... Взглянув на часы, Инга в ужасе помчалась домой. Подруга предлагала ей остаться на ночь и предупредить родителей по телефону, ведь на улице ливень и поздно. Но разве объяснишь нормальным людям, что ее потом со света сживут? Ночевать у подруг ей строжайше запрещали родители. Они были убеждены, что девочки в подобных случаях идут на обман, что с ними ночуют мальчишки, вот оттуда и берутся беременные.

Ингу угнетала предстоящая встреча с родителями. Несмотря на свои двадцать два года и четырехгодичный студенческий стаж, она совершенно лишена самостоятельности. За нее все решают родители, Инга боится их до сих пор.

Нет-нет, ее никогда не били, но ответные методы мамы и папы на провинности дочери хуже кнута. Отец неделями может не разговаривать, мама столько же времени вздыхает и принимает вид, будто она делает одолжение, ставя перед дочерью тарелку супа. Разве в таких условиях полезет кусок в горло?

А сегодня возможен и худший вариант – родители способны запретить ей идти на вечер. Будет неловко перед однокурсниками, когда те не увидят ее в разрекламированном лиловом наряде и догадаются, почему Инга не пришла. Однажды она просидела взаперти месяц из-за конкурса красоты. Тайком она бегала на репетиции с примерками и, к несчастью, заняла второе место. Ей предлагали работать моделью в самой Москве! Да куда там, родители просто озверели, даже кричали: «Проституткой хочешь стать?!» В общем, не пустили и замучили упреками. Но Инга настоять на своем не умеет, дрожит от одной мысли, что папа и мама разгневаются. А уж друга показать им – лучше заранее умереть. Ужасно!

Она мчалась сейчас домой, чуть задерживаясь у фонарей и беспокойно поглядывая на часы. Без пятнадцати двенадцать! С балом можно распрощаться, а платье надолго застрянет в шкафу. Не помогут ни слезы, ни уговоры подруг. У папы и мамы поразительное содружество в вопросах воспитания дочери, которое с уверенностью можно назвать жандармским террором.

Нервно сжимая в руке большой черный зонт, Инга в нерешительности остановилась у лесопарка: в обход идти по освещенным улицам – значит, домой она попадет через сорок минут, если не через час. Напрямик – уже в двенадцать будет оправдываться перед родителями. Да только сердце замирало от страха, стоило взгляду остановиться на черном пространстве лесопарка. Фонарь горит единственный – у входа, на остальной протяженности темень, и чудится, что за каждым деревом притаилось чудовище.

Инга огляделась по сторонам, словно кто-то должен был сказать ей: все равно ты останешься без бала, так что иди, девочка, в обход. Но вокруг не угадывалось ни души. Город уже в десять часов вымирает, а в двенадцать вероятность встретить прохожего равна нулю. Ко всем плюсам можно присовокупить ливень и холод, нагрянувший внезапно и несвоевременно. Вряд ли кто бродит по улицам по своей воле. Только она тут, и то по необходимости. А дома папа с мамой сидят на теплой кухне за чистым столом, репетируя нотации, которые прочтут дочери по очереди и хором.

Инга нерешительно спустилась по каменным ступенькам, их всего-то штук семь. Но это было время принятия решения – продолжить путь через парк или сделать крюк. Инга приостановилась, раздумывая. Перевесил разум. Значит – короткий путь. И в следующее мгновение она уже бежала по главной аллее, ежесекундно оглядываясь – не преследует ли ее кто-нибудь.

Она очутилась в темноте, но не в тишине. По бокам шелестела листва деревьев и кустарников, громко лопались пузыри в лужах. Эти естественные шумы не только не избавляли от страха, свойственного многим людям, очутившимся в одиночестве и в темноте, а, наоборот, добавляли нервной напряженности. Инга уговаривала себя, что скоро, совсем скоро наступит конец пути. И в самом деле, впереди замелькали слабые огоньки – это в окнах высотных домов за парком горел свет. Но страх и торопливость быстро утомили, девушка запыхалась, постепенно замедляла шаг. Она уже не оглядывалась, а только прислушивалась к звукам сзади. Пора было вообще остановиться, так как силы иссякли. Полностью встать и отдышаться Инга не решилась, однако ноги переставляла медленней и медленней. Кого бояться в это время и в такую погоду? Вот сейчас она немного передохнет и вновь помчится вперед. Вдруг...

Где-то рядом, но непонятно где, она услышала треск ветки. словно некто большой и тяжелый наступил на нее. Инга остановилась, задержала дыхание, прислушалась. Ливень, шелест листьев... больше ничего и никого. Никого? Инга кожей ощутила, что она здесь не одна. Что, помимо нее, здесь есть кто-то еще, недалеко... совсем близко... возможно, рядом... Инга сделала несколько шагов по направлению к дому, где ее ждут родители, и... услышала чужие шаги. И еще дыхание. Не свое – постороннего человека. Она не могла определить, где, в какой стороне находится человек – да, это

человек! – но он где-то близко и идет за ней. А надо определить, чтобы убежать от него. Интуиция назойливо подсказывала: беги, не останавливаясь. Только куда бежать? Можно же напороться на человека, который старается не выдать себя. Инга в панике огляделась.

Вот он! Она заметила его!

Кругом деревья, деревья... а между ними просвечивают окна домов. Свет этих окон на миг перекрыла чья-то тень. Всего на миг. Почти сразу окна вновь стали видны между деревьями. Человек таится, не хочет, чтобы Инга заметила его... Значит, он охотится на нее.

Охотится на нее!

Эта жуткая мысль обожгла тело девушки, и оно покрылось гусиной кожей от ужаса. Что ему надо? Изнасиловать, убить?..

Главное – выбежать на дорогу перед домами. Это недалеко. Совсем недалеко! Она молодая, ее не догнать. Там он не посмеет напасть. Инга ощутила, хотя и не видела ничего, что человек движется к ней...

Неожиданно она резко сорвалась с места и помчалась не по дороге – так было бы намного короче, – а наискосок, по рыхлой земле лесопарка. Она отбросила в сторону мешавший зонт, подумав, что родители теперь месяц будут пилить ее из-за потери зонтика. Но отбросила и эту мысль – ее жизнь была в опасности, Инга сейчас спасала себя.

Интуитивно она угадывала деревья на пути и ловко их

огибала. Но – о, ужас! – дыхание и тяжелые, чавкающие шаги преследователя становились слышнее. Он догонял. Инга уже не сомневалась, что ее преследует мужчина. Она чуяла его запах. Могильный запах. Может, это был запах мокрой земли и осенних листьев, но он пугал. Он пугал так же, как звуки тяжелых ног за спиной и дыхание. Инга, девушка, из двух дорог выбравшая неправильную, устала от паники и продолжительного бега, но сдаваться она не собиралась. Пусть пересохло во рту, пусть воздух из легких вырывается с хрипом и раздражает бронхи, она продолжит свой бег к свету, к спасению...

Внезапно Инга отчаянно вскрикнула, зацепившись юбкой за что-то торчавшее из земли. Вскрикнула громко. Но люди далеко, в своих уютных или неуютных квартирах пьют чай, спят, мирно беседуют или ссорятся... Они в безопасности. И завтра будут пить чай, беседовать, ссориться, мириться, спать. А она... Зацепившись, Инга упала, но сразу вскочила...

Однако преследователю этого короткого мига хватило, чтобы опередить девушку. Он перегородил собой дорогу – большой, как утес. Он молчал. Инга всматривалась в него, но не видела лица. Перед ней была огромная тень, безликая масса, принявшая человеческую форму. Ни глаз, ни рта, ни выражения лица... В такое мгновение ты ничего не видишь, что может разъяснить тебе, насколько человек, стоящий перед тобой, опасен. Но ты знаешь: его молчание – это молча-

ние силы. Страшной и сокрушающей силы.

Инга отступала назад, а он молча наступал на нее. Девушка поняла, что он оттягивает важный для него момент, потому что этот момент главный. Он готовится к нему, ради него он и затеял погоню. Попробовать убежать? Но куда? Назад к аллее? А хватит ли сил? И почему он молчит?

И тогда закричала Инга. Закричала истерично, громко, как умела:

– Что вам нужно? – кричала она в надежде, что ее услышат и придут на помощь. – Меня ждут папа и мама. Уйдите!

Чем громче она кричала, тем меньше оставалось у нее сил. Неведомая гипнотизирующая сила шла от незнакомца, лица которого она так и не увидела. Сила, заставлявшая ее покорно отдаться на его милость.

– Уходи!!! Уйди!!! Убирайся!!! – кричала Инга уже без надежды на помощь. Она прогоняла его, как прогоняют детские страхи после жутких снов или после прочитанной страшилки, а затем взмолилась: – Пожалуйста, не трогай меня... Уходи...

Ноги ее с каждой секундой все больше тяжелели, просто прирастали к мокрой земле. Инга все же понемногу отступала, но, когда уперлась спиной в ствол дерева, обмякла, потеряв силы и ориентиры. В этот миг она не определила бы, в какой стороне ее дом и откуда она шла. Все внимание девушки было приковано к темному человеку, идущему к ней размеренно и спокойно. Он подошел почти вплотную, подошел

так близко, что его горячее дыхание коснулось лица. И промелькнула мысль: «Почему я здесь? Какая же я дура...»

Тут она увидела его глаза – безжизненные, стеклянные. Наверное, такие же глаза у дьявола. Кто знает, может, она на самом деле повстречалась с дьяволом? Тогда все ее попытки убежать напрасны. Он всегда будет впереди, он всегда догонит...

Чужие пальцы дотронулись до ее горла, погладили кожу от подбородка вниз, затем вверх. Погладили с нежностью. Инга всегда ужасно боялась щекотки, но от прикосновений этих пальцев она заледенела. И поняла: ее короткая жизнь оборвется именно сегодня, сейчас. А не пойди она «разумным» коротким путем, пришла бы домой. Пусть и позже, но пришла бы. Выслушала бы нотации, лишилась бы бала, но осталась бы живой. Теперь она ничего не будет бояться, потому что ее не станет. И тогда она закричала, думая, что ее услышит весь город. Но даже он – дьявол перед ней – не услышал ее сдавленного шепота:

– Помогите!..

Затем Инга ощутила на своих губах смертельный вкус его губ...

* * *

Оленька сидела на каменном выступе ограды, ежась и стуча зубами от холода.

Она промокла до нитки, выплакала все слезы, ее лихорадило. Но при воспоминании, что ей пришлось увидеть собственными глазами, рыдания возобновлялись, правда, уже без слез. Ослабевал и поток с неба, видимо, у небес тоже иссяк запас влаги. Что ж, в конце концов, все когда-нибудь иссякает, даже жизнь. Однако расставаться с жизнью Оленька не помышляла. Правда, в ее голове мысли путались, возникали и тут же пропадали многочисленные реальные и нереальные планы, но то, что они хотя бы были, показывало, что она не сошла с ума. На первом месте для нее сейчас стояла мысль о возмездии. Без него – возмездия – невозможна дальнейшая жизнь, планы и все прочее.

Оленька вспомнила об одежде докторши, которую она покидала в свою сумку, и вернулась к зданию больницы, где есть свет и можно подробно разглядеть конфискованные вещи. Она доставала из сумки их по одной и рассматривала с брезгливостью, попутно соображая, как использовать трофей.

Брюки сейчас носят большинство врачей и медсестер, на брюках не написано, кому они принадлежат. Сама Оленька на работе отдает предпочтение белым халатам, ставшим символом медицины. Но не одни брюки, туфли и трусики прихватила она – оказывается, еще и курточку. А вот на курточках обычно ставят метку. Есть! Имя, отчество и фамилия выведены полностью на прямоугольнике визитки-бейджика, а визитка приколотая к нагрудному кармашку. И кар-

машек тоже с обратным адресом – на нем аккуратно вышиты инициалы. Медицинских работников отличает аккуратность во всем. Даже совершать половой акт они предпочитают в стерильных условиях – прямо на рабочем месте. Отбросив эту неуместную сейчас мысль, Оленька зловеще усмехнулась: в своем умопомрачении она прихватила полный комплект одеяния докторши! Интересно, как соблазнительница ее мужа отправится назад в свое отделение? В одной кофтенке, с голой попой и в чулочках на «окорочках»? Забавно было бы на это посмотреть. Но нет, назад Оленька не вернется.

А вернулась она к ограде. С той же аккуратностью, свойственной медработникам, развесила вещи докторши на острых прутьях. Трусики приколола к кармашку визиткой. Хорошие новшества ввел главврач – обязал медицинский персонал носить визитки, чтобы больные знали, с кем имеют дело. Оленьке визитка сослужит хорошую службу. Завтра персонал больницы пойдет на работу и остановится у галереи медицинской одежды и белья. Люди здесь работают умные, без слов догадаются, почему пикантная деталь женского одеяния нескромно «украшает» ограду. Представив лица сотрудников больницы от главврача до санитарки, читающих визитку, Оленька расхохоталась. Но недолго длился ее смех, ведь все равно она чувствовала себя проигравшей. Такого омерзения, подавленности и отчаяния Оленька не испытывала ни разу в жизни.

Она вымыла в луже руки, которыми брала одежду доктор-

ши, и медленно побрела домой. Домой? Нет, в то место, где она была так счастлива целых семь месяцев, не знала, что ее счастье – всего лишь мираж, Оленька не вернется. Да, все когда-нибудь кончается, счастье тоже, оно тем более не может длиться вечно, потому что вечного счастья не бывает.

Оленька брела под дождем без зонта, который оставила в больнице, брела вдоль обочины асфальтированной дороги. В это время суток редкий автомобиль проезжал мимо, вспенивая лужи и ручьи у края дороги. Что и говорить – второй час ночи. Воды с неба натекло море. Утонуть бы в нем... Так думала Оленька и не огибала громадные лужи, а шла прямо по ним. Туфли намокли, разбухли и отяжелели. Да только обида и боль были куда тяжелее.

Но пришлось остановиться, потому что Оленька задумалась о том, где найти приют на сегодняшнюю ночь. Ужасно хотелось тепла и человеческого участия. «Ну конечно, Жанна не выгонит», – подумала Оленька и свернула с пути. Она долго лавировала в переулках, затем вышла к лесопарку. Пройдя немного вдоль дикого, запущенного парка, свернула на центральную аллею, которая пересекает его по прямой. На аллее хотя бы не свернешь шею в темноте, да и дорога короче. Оленька преодолела неровные ступеньки, машинально поправила ремешок от сумки на плече и неторопливо пересекла большое световое пятно от единственного на этом участке фонаря. Дальше простиралась темень, но она ее не пугала. Оленьку сейчас трудно было бы напугать.

Внезапно, пересекая границу света и тени, она столкнулась с высоким человеком – буквально стукнулась лбом о его грудь.

– Извините... – не поднимая головы, пробормотала девушка и продолжила идти уже по темной аллее в глубь парка.

Она шла, чувствуя затылком взгляд незнакомца. Оленька вдруг подумала, что было бы неплохо умереть именно сейчас. Вот если бы этот человек взял и ни с того ни с сего убил бы ее... Тело нашли бы утром, сообщили мужу, он приехал бы и катался по мокрой земле рядом с мертвой Оленькой, стая от раскаяния. Представив, как Виталька до конца дней будет жить с виной на душе, она остановилась – захотелось срочно умереть. И тогда она оглянулась, словно провоцируя незнакомца...

В отделение, где работала Оленька, однажды попал психолог. Так вот, он утверждал, что большинство людей живет с нарушенной психикой, даже не подозревая об этом. Но в определенных ситуациях у таких людей начинают активно вырабатываться какие-то особенные гормоны, происходит полное помутнение рассудка, и они совершают поступки, не совместимые ни с их воспитанием, ни с моральными принципами, ни с общественными законами.

...Она оглянулась. Незнакомец, с которым Оленька столкнулась на границе света и тени, потому что вынырнул он из темноты внезапно, был ей хорошо виден. Он стоял на верхней площадке лестницы без зонта, повернувшись лицом в

сторону Оленьки. Мужчина не мог ее видеть, она находилась уже за пределами освещенного пространства, но ей тем не менее показалось, что он изучает и оценивает ее. Фигура его напряглась – Оленька это ощутила, хотя стоял он достаточно далеко. Она ждала, что будет дальше. Прошла минута, и незнакомец сделал шаг к ней, ступив на первую ступеньку. Затем сделал второй шаг, ступив на вторую... Третий... Он шел к ней с пассивной обреченностью, будто Оленька его притягивала, а ему не хотелось идти. Четвертый шаг...

И вдруг внутри у нее тоскливо заныло. Эта тоска не имела отношения к сегодняшнему событию, то есть к измене мужа. Заныло внутри по другому поводу – как бы душа Оленьки угадала в незнакомце нечто фатальное и страшное. Тут же у нее мелькнула мысль: а если Витальку не будут мучить совесть и вина? Изменять молодой жене прямо на работе, там же, где работает и Оленька, – верх цинизма. Что, если он потом, после ее смерти, благополучно женится, займет парочку детей, будет менять любовниц, в то время как она будет гнить под толстым слоем земли... Нет, пока она не насладится мстью, ни о какой смерти не может быть и речи!

Незнакомец спустился по ступеням. Он шел медленно, все больше вселяя беспокойство в душу Оленьки. У границы светового пятна он остановился, а на противоположном его конце стояла Оленька. И сколько времени они так стояли, трудно сказать. Ей вдруг непереносимо захотелось увидеть лицо мужчины, посмотреть ему в глаза, но маска из тени

надежно прятала облик незнакомца. И еще Оленька поняла, что он видит ее. Их разделяло большое световое пятно, но у нее сложилось впечатление, что он сейчас запоминает ее черты, особенности фигуры, даже цвет мокрых волос. Возможно, его зрение обостряется в темноте, как у кошки? Да, в том, что он ее видел, у нее уже не было сомнений. Достаточно долго они стояли друг напротив друга, будто прикованные к своему месту, и каждый, кажется, раздумывал, что делать дальше.

Вдруг нечто необъяснимое, нематериальное перелетело через световое пятно от мужчины к Оленьке и толкнуло ее в грудь. «Нечто» опутывало ее, леденя сердце, но, почувствовав его, это «нечто», она неожиданно сорвалась и помчалась по аллее парка к противоположной его стороне. Но ей казалось, что какая-то невидимая нить странным образом связала ее с незнакомцем. Что эта нить приклеилась к Оленьке и теперь растягивалась по мере того, как она убегала все дальше и дальше. Девушке стало по-настоящему страшно, и ничего она так не желала, как оторваться от невидимой липучки, поэтому, едва касаясь земли ступнями, что было сил мчалась к жилым домам на дальнем краю лесопарка. Поняв, что сумка ей мешает, Оленька потянула за ремень, бросила сумку позади себя и дальше понеслась налегке...

Его нога наступила на мягкий предмет. Мужчина поднял мокрую спортивную сумку, постоял некоторое время, глядя вслед убежавшей девушке, затем неторопливым шагом

вернулся к фонарю. Стоя так, чтобы свет падал сверху, он обыскал сумку. Вынул кошелек. Деньги его не интересовали, и посему кошелек он кинул назад в сумку, не раскрывая. Увидел термос. Не удосужился даже достать. Журнал с голубоволонками и книга. Веером пролистнул страницы книги, небрежно бросил назад в сумку. В кармашке нашел ключи и записную книжку. Пролистал ее, не заостряя внимания ни на одной из страниц. Вдруг из книжки выпал небольшой прямоугольный листок, упал ребром на гальку, слегка коснувшись его ботинка. Мужчина двумя пальцами поднял листок. Это был служебный пропуск с фотографией, местом работы и именем Оленьки.

* * *

Она нажимала на звонок, уткнувшись лбом в стену и не отрывая пальца от круглой кнопки. Послышались шаги, затем сонный женский голос обеспокоенно спросил:

– Кто там?

– Это я, Жанна. Ольга.

Щелкнули замки, приоткрылась дверь. Оленька ворвалась в квартиру, ничего не объясняя. Направилась в кухню. За ней на темном линолеуме оставались мокрые пятна.

– Батюшки! – всплеснула руками заспанная Жанна, следуя за подругой. – Ты одетая купалась в бассейне? Почему так промокла?

– Не кричи, – тяжело опускаясь на табурет, произнесла Оленька. – Стаса и детей разбудишь.

– Стас уехал к маме и забрал детей. Надо же помочь бабушке уничтожить урожай, который она вырастила. Что тебя принесло среди ночи?

– Не знаю, – пробормотала Оленька, закрыв ладонями лицо. – Ничего не знаю.

– погоди, а почему ты одна в такой час? Где твой муж? Почему отпустил тебя одну? Оленька, ты слышишь?

– Конечно, – кивнула она. – Конечно, слышу. Ты сядь, сядь... У меня потрясающая новость. Боюсь, услышав ее, упадешь на пол.

– Господи, что случилось? – опасливо произнесла Жанна, садясь на краешек второй табуретки и запахивая на груди махровый халат, будто закрывалась от неприятностей.

– Виталька на дежурстве... – И повисла пауза. Жанна догадалась, что произошло нечто неординарное, раз подруге с трудом даются слова, поэтому не подгоняла ее. – Я приготовила чай, ватрушки, варенье... Приехала... вошла в ординаторскую... включила свет. А на диване они... Ну, ты ее хорошо знаешь. Это докторша из отделения этажом ниже. Белая такая... с бюстом, как у Мэрилин Монро, и такой же задницей. Вот.

На Жанну новость произвела ошеломляющее впечатление. Она театрально открыла рот, прикрыла его ладонью, да так и замерла. Оленька поняла, что Жанне необходимо пере-

варить сообщение, которое сразу дойти до нормального человека не может. Оленьку и Витальку все считали идеальной парой, и вдруг такой пассаж с пейзажем на диване, да еще на рабочем месте...

Оленьку потянуло снова разреветься, поэтому она принялась открывать наугад шкафчики, просто, по сути дела, отвлекаясь, чтобы немного успокоиться. А найдя бутылку коньяка, налила полстакана и выпила. Захмелела мгновенно, ведь такими дозами не пила никогда. Но тепло быстро разнеслось по телу, душившие ее слезы отпустили. Оленька плюхнулась на табуретку, оперлась спиной о стену, запрокинула назад голову и прикрыла веки.

– Ты не ошиблась? – нашла что спросить Жанна.

– Ошибки быть не может, – не открывая век, пробормотала Оленька. – Я там долго была. Минут пять. Рассмотреть успела все подробности. Даже след от загара на ягодицах докторши, когда она повернулась ко мне спиной. Потом я вылила на них банку варенья... Вишневого. Хорошее получилось варенье, в меру сладкое... Потом... ай, ладно, это не важно. Я их застучала в самый разгар. Она на спине, он над ней – миссионерская поза. Со стороны такое увидишь только в кино. Или застукав мужа с любовницей, как я.

– Они занимались... – Жанне никак не верилось в то, что рассказывала подруга.

– Да, да, да! – вскрикнула Оленька и как ни держалась, а залилась слезами.

– Бедняжка, – прижала ее к груди Жанна, глядя по мокрым волосам. – Не плачь... Хотя нет, я говорю глупости, плачь, Оленька, плачь! Выплачь слезы сейчас, чтобы потом никто не заметил, как тебе больно. Поверь, на твои переживания будет всем чихать, а Витальке первому. Зато если он не увидит твоих страданий, тогда задержается. А слезы приносят облегчение, с ними уходят наивность, надежды, мечты. Сейчас ты вырастешь. Это лучше, чем задержавшееся детство, хотя и больно. Не повезло тебе. Но ты справишься. Все пройдет, пройдет...

Оленька рыдала в голос, слушая старшую подругу. Между ними разница двенадцать лет. Жанна умная, сильная женщина, неплохой хирург. Про жизнь она знает все-все. И если Жанна говорит, что пройдет, – значит, пройдет. Надо переждать боль и оторвать от себя счастье. Бывшее счастье. Главное, сразу отказаться от него, а это так трудно. Оленька плакала, потому что прощалась со своим счастьем навсегда.

Жанна не выпрашивала подробности, как это делают многие люди, находя в боли собеседника удовлетворение: мол, и мне было плохо, как тебе, всем достается, переживешь. Она вообще ничего не выпрашивала, а приготовила ванну с облаком пены и заставила Оленьку погрузиться в нее по самую шею. Время от времени Жанна заглядывала в ванную, затем тихонько закрывала за собой дверь. Она беспокоилась об Оленьке, чтобы та не вздумала, например, утонуть. Но беспокоилась она зря. Оленька не покончит с собой, не

такая уж она слабенькая, как думают о ней. «Оленька – прелесть, Оленька – душка, Оленька – цыпленочек» – так о ней говорят в больнице. Оленька, Оленька... Никто не называет ее Ольгой или хотя бы Олей. Это о многом говорит. Например, о том, что для всех она как бы малышка – очаровательная наивная девочка, исполнительная, как школьница. Женщину в ней никто не видит, даже муж... А между прочим, ей двадцать пять. Пусть внешне она и выглядит на семнадцать, но внутри-то – взрослый, вполне сформировавшийся человек. Итак, сегодня девочка Оленька умерла безвозвратно. Пока на новом месте не появилось новых всходов – это будет потом, когда пройдет боль. А боль пройдет, так говорит Жанна.

Хоть и чувствовала сейчас Оленька пустоту и безразличие ко всему, а ванна пришлась ей кстати. Во-первых, она согрелась. Во-вторых, ее потянуло в сон, что в данной ситуации казалось невозможной роскошью, но необходимой. Выйдя из ванной, Оленька в изнеможении упала на приготовленную Жанной кровать и заснула.

* * *

Ранним утром вернулось тепло, какое сопровождает первые дни осени. Над землей парил густой туман, и природа отдыхала в безветренном покое. Предыдущий день щедро позолотил деревья и кустарники, а вчерашний ветер часть ли-

стве сбросил на землю. С листья, что удержалась на ветках, беспрестанно капала вода. По всем признакам пришла осень. В этом краю слишком ранняя осень.

На улицах было безлюдно, когда молодой человек в спортивном костюме и кроссовках вышел из подъезда, сладко потянулся. Собственно, еще рано, чтобы городу кишеть людьми, – полседьмого утра. Трусцой молодой человек побежал к лесопарку, за ним следовал большой пес, который останавливался у кустов или деревьев, задирая заднюю лапу, затем скачками догонял хозяина. Парень достиг лесопарка, по утрамбованным дорожкам углубился внутрь и бежал размеренно, по-спортивному легко. Пес носился по парку, не упуская из виду хозяина. Для пса это тоже разминка, которая случается утром и вечером, посему он с радостью избавлялся от лишней энергии, однако не забывал принюхиваться, если его настораживал незнакомый запах. Собака и наткнулась на раскрытый, лежавший кверху ручкой зонт, призывно залаяла. Молодой человек позвал пса, тот рванул к нему, затем, сделав круг, помчался назад и снова залаял.

– Ну, что, что ты нашел? – недовольно проворчал хозяин, меняя маршрут. Подбежав к перевернутому зонту, он погладил пса. – Молодец. Ну, зонт кто-то потерял...

Это был большой зонт черного цвета. Несколько странно смотрелся раскрытый зонт, почти до краев наполненный водой. Судя по всему, получалось, что человек шел с раскрытым зонтом во время вчерашнего ливня, потом ему пришлось

в голову бросить зонт и далее следовать без него. В общем, объяснение хлипкое, но ничего другого не приходило на ум. Удивляло и место, где обнаружилась находка, – вдали от дорог и тропинок. Какой же дурак здесь гулял ночью под дождем?

Парень оглядывал пространство вокруг, затянутое туманом. В подобных случаях в голову приходят мрачные мысли. Наверняка человек с зонтом решил сократить путь, как часто делают ленивые, из-за чего и наживают массу неприятностей. Он пересекал парк ночью, а тут грабители напали, мужчина кинулся наутек, потерял зонт... Возможно, его – молодой человек представлял себе мужчину, зонт ведь похож на мужской – догнали, избили. Во время логических рассуждений хозяина пес нервно переминался с лапы на лапу, то садился, то вскакивал с земли. Ему не терпелось сорваться с места, он что-то чувал.

– Граф, ищи! – приказал парень псу.

Собака забегала кругами, пригибая голову к земле, а молодой человек следил за псом, периодически поглядывая на часы. Пробежка, можно сказать, не состоялась, и он, отряхивая с кроссовок налипшую грязь, шел за собакой. Но вот его Граф волнообразными скачками унесся за густые кустарники, и оттуда раздался его призывный лай, мол, иди сюда. По мере приближения к кустам молодой человек замедлял шаг, а потом в растерянности остановился.

Метрах в десяти лежала женщина. Он не рассмотрел, мо-

лодая она или нет, так как лежала женщина к нему головой, а часть ее тела и лица прикрыли опавшие листья. В ней не угадывалось признаков жизни, впрочем, достаточно бросить и беглый взгляд, чтобы определить: убита. Одежда изорвана, кровь успела потемнеть на воздухе, и было ее много. Во всяком случае, одежда выглядела так, словно ее вымочили в крови.

Парень не стал подходить ближе, изуродованный труп производит гнетущее впечатление, да еще в час, когда вокруг ни души. Он достал мобильник:

– Милиция? Я обнаружил труп в лесопарке, вернее, моя собака нашла. Вам лучше подъехать со стороны высотных домов, затем по центральной аллее, свернуть на вторую дорожку вправо. Побыстрее приезжайте, а то мне на работу.

Ожидая милицию, он, не приближаясь к трупу, обошел его, встал на валун и поднялся на цыпочки, чтобы лучше рассмотреть лицо погибшей. Ею оказалась молодая девушка. Но красивая она или нет, парень не понял – смерть обезобразила лицо. Смерть и боль, о чем свидетельствовал перекошенный рот девушки, ссадины и кровоподтеки. Также он заметил, что пальцы ее правой руки врезались в землю, а вторая рука откинута в сторону. И что самое поразительное – в левой ладони скопилась вода, будто, умирая, девушка старалась не расплескать воду из ладошки. Почему-то именно эта вода в ладони убитой приковала взгляд молодого человека.

Он смотрел на нее до тех пор, пока не услышал звук авто-

мобильного мотора. Свистнув, замахал руками:

– Сюда! Здесь! Ко мне!

На место происшествия прибыло две машины. Из них вышли несколько человек, одетых в штатское и милицейскую форму, и направились к парню с собакой. Все окружили труп, на этот раз и молодой человек позволил себе подойти ближе. Картина открывалась ужасающая. Теперь со всей очевидностью было видно, что над девушкой измывался изнасиловавший ее садист.

Старший из группы милиционеров сказал:

– Похоже, мы заимели серийника.

– Серийник – серийный убийца? – полюбопытствовал парень с собакой.

– Он самый, – сказал старший. – Неделю назад был похожий случай, следовательно, будет третий труп. Вот только где и когда? А теперь расскажи-ка, как ты ее нашел...

* * *

– Что ты собираешься делать? – спросила Оленьку Жанна за завтраком.

– Подыскать жилье, – ответила та решительно.

– Значит, прощать его не собираешься?

– Простить – не простить, что изменится? Выбор сделал он, мне остается только согласиться с его выбором.

– То есть выбор состоит в том, что Виталик предпочел

тебе белую крысу с нижнего этажа? – уточнила Жанна. – Вот увидишь, он не захочет с тобой расставаться. Просто он не рассчитывал, что ты его застукаешь.

– Но так получилось. Когда он ложился на докторшу, должен был подумать, что кто-то может его застукать, значит, сознательно шел на измену.

– Смешно... – невесело хмыкнула Жанна, затем отпила чая, изучая Оленьку. – «Должен был подумать...» Да он вообще не думал. Есть истина: когда член вскакивает, мозг у мужиков замолкает.

– Тем хуже, – нахмурилась Оленька. – Он должен был сначала послушать мозг. Она старше меня на сто лет! Пусть с ней и живет. Жанна, мы больше не будем обсуждать это. Скажи лучше, где мне найти дешевую квартиру? У вас в доме не сдают комнаты?

– Сейчас найти квартиру будет трудно. Если бы хоть неделей раньше... Тогда я видела много объявлений, что студентам сдается комната...

– К сожалению, я не застала его на бабе неделей раньше, – хмуро сказала Оленька.

Жанна удивленно приподняла брови. За одну ночь Оленька изменилась. Вот что значит потрясение. Для всех Оленька – смирный и обаятельный ребенок, несмотря на двадцать пять. Ее обожают, потому что никогда она не грубит. Она исполнительна, отзывчива, скрупулезно выполняет свои обязанности, наивна и доверчива до смешного. В сущности,

Жанна с ней не дружила, а, скорее, ей покровительствовала. Их отношения больше похожи на содружество сестер – старшей, которая главенствует, и младшей, которая подчиняется. Вчера Оленька прибежала мокрая, испуганная, надломленная. Утром встала собранной, жесткой и спокойной. Что-то изменилось и в лице, повзрослевшем за ночь. Возможно, такое впечатление создавалось благодаря мстительным искрам, горевшим в глазах девушки. Так или иначе, но Виталька за пять минут сделал из девчонки женщину, способную на ответный удар.

– Оленька, – тронула ее за руку Жанна, – все перемелется. Не спеши совершать отчаянные поступки, а то может случиться, что пожалеешь.

– Если ты уговариваешь меня сделать вид, что ничего не случилось, не трать время и слова. Случилось! И я видела сама. Все. Мне пора на работу.

– Пойдем вместе. Мне тоже сегодня с утра...

– Дай, пожалуйста, косметику, а то у меня нет. Я вчера и сумку потеряла, а там деньги, удостоверение. Ой, ладно, я вчера потеряла гораздо больше. Так где взять косметику?

– В ванной, – отозвалась Жанна, собирая грязную посуду со стола.

Она подбирала одежду для Оленьки, поскольку ее промокшие под дождем вещи еще не высохли, а та с каким-то отчаянием наносила на лицо косметику. Меньше всего бывшая счастливая жена хотела попасть на пьедестал жертвы,

значит, по ее внешнему виду никто не должен определить, как ей плохо. С зареванными глазами, повесившей нос ее не увидят, нет! И за слоем косметики Оленька спрятала истинное лицо.

Проторчала она в ванной не так уж и долго, но вышла оттуда преображенной. Жанна лишь воскликнула:

– Где это ты научилась так ловко штукатурку класть на личико?

Пожалуй, макияж больше соответствовал вечернему, а не дневному времени. Оленька сейчас походила на роковую женщину начала века из немого фильма.

– Некрасиво? – равнодушно спросила Оленька и тут же, дабы упредить негативные высказывания подружки по поводу грима, категорично заявила: – А мне нравится.

– Нет, вполне... Тебе идет, только непривычно, – скрыла улыбку Жанна. Все же обилие косметики на лице выглядело детской выходкой. Дескать, я теперь получила свободу и буду делать, что захочу. – Хм! Должна сказать, впечатление произведешь. И на мужа тоже.

– Именно это я и собираюсь сделать. Только давай пешком пройдемся, мне надо собраться с... просто собраться. Сейчас еще рано, вдруг и сумку найду?

Через двадцать минут обе сбежали вниз, прошли метров пятьсот по тротуару вдоль домов, затем пересекли проезжую часть и вошли в лесопарк.

– Вот и осень пришла, – грустно сказала Жанна.

– Ну и что? – глядя под ноги, буркнула Оленька.

– Да так... Работы прибавится, ведь осенью обостряются заболевания. – И Жанна вытянула шею, вглядываясь вдаль. – А что там за толпа?

Оленька проследила за взглядом подруги. Несколько человек стояли вокруг непонятного предмета на земле, невдалеке от них стояли две машины, одна милицейская. Подруги приостановились. От толпы отделился парень в спортивном костюме, направился к ним. За ним бежал крупный пес.

– Это Петя из соседнего дома, – произнесла Жанна. – Его матери я удаляла грыжу. У него и спросим, что там такое.

– Да какая разница? – недовольно махнула рукой Оленька.

– Просто интересно, – сказала Жанна и помахала рукой Пете. – Ау! Петенька! – Тот подбежал к ним, поздоровался. Он явно был взволнован. – Что там случилось?

– Мой Граф девчонку нашел, – принялся нервно докладывать парень. – Вчера ее убили во время ливня. Я милицию вызвал. Вы туда не ходите, смотреть страшно. Вся изрезана и в синяках, места живого нет.

– Ты забыл, Петенька, что я хирург, – улыбнулась Жанна.

– Ой, правда... – От неловкости парень почесал в затылке, но тут же озабоченно добавил: – Вы ночью по парку не ходите. Да и днем лучше здесь не гулять одним. Менты сказали, серийный убийца у нас появился. Короче – маньяк.

Попрощались. Петя, свистнув собаке, побежал к дому, а Жанна и Оленька пошли дальше по центральной аллее лесо-

парка. Шли молча. Когда же вдали завиднелся выход, Оленька вздохнула:

– Видимо, сумку кто-то нашел и забрал.

– Постой, – остановилась Жанна и взяла за локоть подругу. – Ты вчера шла через парк ночью? И здесь потеряла сумку?

– Ну да. Я же говорила тебе...

– Сумасшедшая! Здесь и днем-то страшно. Как ты не напугалась на убийцу?!

Тут-то Оленька и припомнила вчерашнюю встречу с человеком, который ее изрядно напугал и от которого она убежала, бросив сумку.

– Знаешь, я его, кажется, видела... – сказала растерянно Оленька.

– Кого?

– Убийцу. Мы встретились вот здесь, у входа в парк...

– А почему ты решила, что это был убийца?

– Не знаю... От вчерашней встречи у меня остался нехороший осадок. Я столкнулась с мужчиной у начала аллеи. А потом испугалась его, скорее интуитивно. И убежала.

– Может, тебе стоит рассказать все следователю? Ты запомнила того мужчину?

– Конечно, не запомнила. Только то, что это высокий человек. Возможно, он не так уж молод, но больше сорока ему не будет. И знаешь, он как будто притягивает к себе. Это волнующее чувство... Разве мои ощущения помогут?

– Ты права, – согласилась Жанна. – К тому же этот мужчина мог быть вовсе и не убийцей. Давай поторопимся, а то наша прогулка обернется строгим выговором.

– Мне все равно, – буркнула Оленька, но прибавила шаг.

* * *

Этим же утром Эмиль шаманил на кухне, поторапливаясь и поглядывая на часы. Готовить он любил, готовил великолепно. Сервировав стол, он ушел в ванную бриться, предварительно постучав в комнату дочери:

– Кролик, подъем!

Симона потянулась, одним глазом посмотрела на часы и подскочила на постели. Опять отец не разбудил вовремя! Припомнив, что он отказался купить ей туфли, Симона разозлилась на него еще больше. Набросив халат, не застегнув его, она подошла к ванной и стукнула кулачком по закрытой двери:

– Я встала. Освободи ванную! – Оттуда доносилось жужжание бритвы. – Я просила разбудить меня на полчаса раньше. Из-за тебя я не успею накраситься и буду выглядеть как старая обезьяна. Сейчас же освободи ванную!

– Кролик, – слышался из ванной голос, – в шестнадцать лет еще никому не удавалось выглядеть как старая обезьяна.

– Ты всегда делаешь так, чтобы я не успевала. Ты это назло? Я тебе отомщу. Я не буду завтракать сегодня. Твоя дочь

пойдет в школу, а потом на соревнования голодной! Она упадет в обморок, ее увезут в больницу...

Дверь открылась, из ванной выглянул отец, по виду не испугавшийся угроз:

– Страшная месть. Придется уступить. Только поторопись, Кролик.

Фыркнув, Симона юркнула в ванную комнату, а Эмиль ушел в свою спальню переодеться. Взглянув на термометр за окном, он все же решил надеть осенний костюм из плотной ткани, так как вернется домой поздно, а погода до вечера сто раз изменится. Он уже надел рубашку и застегивал запонки, когда в спальню вошла Симона в одних трусиках:

– Папа, ты погладил желтое платье?

– Кролик, тебе не кажется, что для беседы с папой на тебе слишком мало надето?

– А я зачем пришла? – наивно удивилась она. – За одеждой. Где желтое платье?

– Я его не погладил, – признался папа, завязывая галстук и не испытывая при этом угрызений совести. – Ты никому не говори, что твой седой отец гладит тебе одежду, а то в нашем городе охотников взять тебя замуж не найдется.

– Подумаешь! – фыркнула Симона, отправляясь к себе. – Я выйду замуж за миллионера. Он не станет заставлять меня мыть полы и гладить. Сегодня я выиграю отборочные соревнования, потом областные, у меня все перспективы стать первой. А потом я выиграю чемпионаты, и в меня влюбится

миллионер, а не Федя с твоего рынка.

– Мой рынок дает возможность покупать тебе дорогую одежду и шить спортивные купальники в столице. Так что...

– Но туфли ты не купил! – бросила она упрек.

– Кролик, не обижайся, ты должна знать цену деньгам.

Они слишком тяжело достаются скромным предпринимателям вроде твоего отца. И что это за туфли ценой десять тысяч? Это же не цена, а бандитизм среди бела дня.

– Это настоящие фирменные туфли. Из настоящей кожи. С моднейшим каблуком и удобнейшей колодкой, – яростно пропищала Симона, вылетев из своей комнаты в тех же трусиках. – Ну, почему, почему я должна ходить в ширпотребе?

– Потому... – коротко ответил отец. – Будешь зарабатывать сама – станешь покупать все что угодно. А я не могу бросать деньги на ветер. Почему ты не одета?

– Мне нечего надеть, – трагически заявила дочь.

– Как это нечего?! – возмутился Эмиль. Затем ринулся в комнату Симоны, открыл шкаф, забитый до отказа. – Это что? Платья. Давай посчитаем, сколько их тут висит. И поторопись, иначе в школу тебе придется идти пешком.

Симона с видом обиженного котенка напяливала джинсы, затем кофточку из индийского ситца, затем жилет. Эмиль усмехнулся, глядя на надутые губы и сдвинутые красивые бровки дочери. Да, балует он ее. Ну и что? Она – единственное настоящее его богатство. Он и не представлял, что родной ребенок может заменить собой все на свете, что Симона

станет главной линией жизни, ради которой он, не задумываясь, бросил научную работу и занялся торгашеством.

Несколько лет назад, оставшись один с восьмилетней дочерью на руках, он решил заменить ей мать и дать абсолютно все, что потребуется. С женщинами Эмиль встречался тайком, и даже в голову ему не приходило сделать одну из пассивных женой. Если уж Симону родная мать бросила, то чужая женщина тем более не заменит ее. Он любил дочь, забывая о себе. Симона прекрасно это поняла и начала вить из отца веревки. В сущности, ему нравилось выполнять капризы дочери, для этого он и работает. Но последнее ее желание, эти туфли... Нет, не смог он переступить барьер их грабительской цены. Да и не стоят они того.

Одевшись, Симона посмотрела на себя в зеркало и вздохнула:

– Я одета как бомж.

И до того хорошенькая была притом, что Эмиль рассмеялся, обнял ее за худенькие плечики, увлекая на кухню:

– Хороший вкус у бомжей, должен сказать. Джинсы носят американские, которые привозят папины друзья. Кофточка, сшитая во Франции или Италии, туфли...

Ну вот, нечаянно затронул болезную тему! Симона вырвала плечики из объятий отца, упала на стул с несчастным видом. Она, на удивление, красивая девочка, с великолепной фигурой. Впрочем, тут нечему удивляться – Симона с детства занимается художественной гимнастикой в спортивной

школе, стоит на первом месте у педагогов и тренеров, с ней они связывают большие надежды. Были моменты, когда девочку хотели забрать в спортивные школы других городов, рисовали радужные перспективы, но Эмиль не отдал ее в чужие руки. Да и как бы жил без нее, для чего? Так и превратился в раба своей дочери, который не знает отдыха, но которого не тяготит рабское положение. Поставив перед Симоной тарелку, он сел сам и принялся поедать завтрак. Девочка повела носом, отодвинула тарелку и налила себе чая.

– Кролик... – так Эмиль прозвал свою дочь в противовес ее пристрастию к мясу, – ты серьезно на меня обиделась, поэтому не ешь?

– Ой, папа! При чем тут обиды? Я на диете.

– А я сделал тебе салат из авокадо...

– В авокадо жуткое количество калорий, – вздохнула она. – Я съем бутерброд с сыром и ветчиной, но без хлеба.

– Может, ну ее – спортивную карьеру? Будешь есть все подряд.

– А как же миллионер? Где я его найду здесь?

– Действительно, – усмехнулся, соглашаясь, Эмиль. – Кролик, пора. Ешь быстрее. Постараюсь заехать за тобой после школы, я приготовил тебе сюрприз.

Ну какой сюрприз способен улучшить настроение Симоны? Поэтому она одарила папу снисходительным взглядом и без аппетита принялась поедать «бутерброд» из ветчины и сыра. В борьбе с отцом она всегда выходила победителем.

Но не в этот раз.

* * *

Алена старательно водила тушью по ресницам, сидя у стола на кухне. Мать готовила завтрак, стоя к дочери спиной. Выразительная спина мамы многое поведала девушке. Например, что отец вчера пропил деньги, слегка отметелил мать, о чем свидетельствовала небольшая ссадина на скуле, тщательно запудренная дешевой пудрой, купленной еще в правление Брежнева. По этой причине мать проснулась злая на весь мир. Покончив с ресницами, Алена начала красить ногти, положив растопыренные пальцы на стол и высунув набок язык. Мать с грохотом поставила сковородку с яичницей чуть ли не на руку дочери. Та отдернула руку и грубо выкрикнула:

– Ты! Вообще, да?

В их доме подобный тон в общении между собой был давно принят за норму.

– Могла бы сама себе приготовить! – рявкнула мать. – Только когти красишь да деньги требуешь! Веник берешь в руки раз в месяц!

– Чего завелась с утра? – огрызнулась дочь, возмущенная до глубины души. – Я, что ли, виновата, что этот козел вчера все бабки пропил? Думаешь, мне это нравится?

Козел – ее родной папа. Пока его не гонят с работы, но

предупреждений получал много. Да и толку, что он работает? Деньги-то все равно пропивает. Да еще в пьяном угаре дебоширит. В основном достается жене как основному элементу, испортившему жизнь несчастному. Чем она испортила его жизнь, он бы не ответил даже в трезвом состоянии, в котором пребывает крайне редко. И как водится, в трезвом состоянии его мучает вина. Когда он трезв, оживает совесть, он плачет, просит у всех прощения, доводя домочадцев до бешенства однообразной назойливостью. Мама его прощает, наивно полагая, что он действительно одумался. А отец после акта покаяния напивается в стельку – так сказать, заливает стыд, что он унизился до последней черты перед женой. Тут же берет дивиденды с недавнего покаяния, то есть колотит кого ни попадя, но в основном жену.

Дочь Алена, конечно, не подставляет хребет для битья, как раньше. Едва подросла, она перестала в папе видеть бесспорного семейного лидера и в зубы не стесняется заехать родному отцу. Она же деваха хоть куда – рослая, крепкая, и кулачок у нее, прямо сказать, не девичий, а мордаха – как у голливудской актрисы. Только не той, что хватается за столбы по причине худобы, чтобы не улететь при порывах ветра. Нет, Алена настоящая красавица, кровь с молоком, этот факт признал даже вечно пьяный папа. Она поначалу мать защищала, когда папа буянил при ней. Только мать требовала не вмешиваться, считая мужа больным человеком и богом. Алена в конце концов плюнула на их супружеские от-

ношения.

Она живет своей жизнью, учится в техникуме, который называется по-современному – колледж, что очень нравится Алене. «Я учусь в колледже» – очень прилично звучит, гораздо лучше, чем «я учусь в техникуме». Случается, Алена прирабатывает – на компьютере у подруги набирает разные тексты по ночам. А недавно у нее появился настоящий любовник. Но об этом ни одна живая душа не знает.

Это солидный мужчина, и хорош он лишь тем, что дает Алене деньги, а постель и все такое можно перетерпеть. Тут не до гордости. Вон девчонки из ее группы шмотки меняют каждую неделю, а Алена в старых туфлях с дырками до зимних холодов была бы обречена ходить. Если бы не любовник, то вчера, в ливень и холод, она точно заработала бы воспаление легких. Но он купил моднячие ботиночки. Вообще, он много чего ей покупает, водит Алenu в рестораны, а там еда... не привычная яичница и уж тем более не каша. Конечно, он старше Алены лет на тридцать, конечно, женат, конечно, у него дочь ровесница Алены. Так ведь и она не собирается выходить за него замуж. Очень нужно!

Одна девчонка, правда, однажды сказала, что Алена занимается проституцией. Получила по морде. Алена – барышня из простых, в обиду себя не дает и всякие там выпады в свою сторону пресекает на корню. Как ни назови то, чем она занимается, а это дает возможность жить по-человечески и откладывать. Алена собирает незначительные суммы, потом

меняет их на валюту, складывает в коробочку, а коробочку прячет в укромном месте. Скоро накопит столько, что уедет отсюда. Например, в Москву. Ни разу не была в Москве, а хочется. Даст бог, работу там найдет. Говорят, в Москве платят хорошо, не то что в их вонючей провинции. Но сначала она получит чертов диплом. Все ж образование. Алена во-все не хочет быть проституткой. А вот содержанкой, чтобы один, ну, два любовника было, – это нормально.

Она проглотила осточертевшую утреннюю яичницу, налила в стакан мочеобразной жидкости, которая называется «чай из мешка». Чай мать покупает на рынке у теток, от безобразного вида которых блевать тянет. Прямо перед торговками стоят мешки с черными опилками, но тетки уверяют, что это настоящий грузинский чай высшего сорта. Они продают его, зачерпывая банкой или граненым стаканом, что дешево до безобразия. В общем, на дураков рассчитано. Или на безденежных, вроде семейки Алены. Отхлебнув пару глотков, она покривилась, как от кислоты, отодвинула чашку с отбитой ручкой и отчитала мать:

– Сколько раз говорила: не покупай эту вонищу на рынке. Лучше ничего не пить, чем травиться черт знает чем.

– Ишь, умная какая! – проворчала та. – Ты у нас шибко грамотная стала. То тебе не так, это не так. Я и такой попою. Он мне нравится, потому что дешевый.

Послышалось босоное шлепанье, затем в дверях показалась помятая, сонная, опухшая физиономия папани.

– Приперся... – буркнула Алена, отвернувшись от противной рожи.

Папаня в семейных трусах и застиранной майке с минуту хлопал глазами, от него шло амбре, как из общественного, далеко не цивилизованного сортира. Затем папа прошел к плите, схватил чайник с холодной кипяченой водой и приставил носик ко рту. Забулькало. Это в брюхо папани вливалась вода.

– Ты что, не можешь культурно пить? – справедливо возмутилась Алена, брезгливо морщась. – Обслюнявил весь чайник! Кому после тебя приятно пить?

– Молчать, – вяло промямлил папа хриплым голосом и пошлепал назад в комнату, бормоча: – Дожил. Всякая сопля меня... меня!.. воспитывает...

– Свинья, – сказала дочь, с ненавистью глядя ему вслед.

– Не смей так на отца! – прикрикнула на нее мать.

– Да пошел он, такой отец...

Алена вскочила с табуретки, имеющей все перспективы развалиться в ближайшее время, и ринулась в коридор. Там принялась надевать новые ботиночки на высоких каблуках со шнуровкой. Девчонки попадают от зависти при виде ботиночек. А ходит в них Алена, словно танцует. Мама пришла следом. Пришла и тихо запела нудную песню:

– Алена, ты где взяла эти ботинки? У кого?

– Скажи еще, что я украла их, – вскинулась Алена, зло завязывая шнурки.

– Ага, подарили тебе, да?

– А если и так? – распрямилась Алена, поставив руки на бедра.

– И за какие ж услуги тебе дарят такие дорогие подарки?

– Не твое дело. Заработала.

– Чем? Одним местом?

– А хоть бы и так! – с вызовом ответила дочь. – Я не буду жить, как ты, поняла? У меня не будет в мужьях уroda вроде папочки, чтобы он сдох! И бить меня ни одна сволочь не будет! И с каши на хлеб перебиваться не буду, поняла? Я совершеннолетняя, имею право жить...

– Вы! – Дверь открылась, и папина красная рожа просунулась в щель. – Заткнитесь обе! А то... всем пасти порву сикось-накось...

– Попробуй тронь! – сжала кулаки Алена.

– У меня сейчас кумпол болит, – погрозил пальцем папа, – но предупреждаю: как только кумпол станет в норму, пасти порву.

Алена схватила сумку и помчалась по лестнице, слушая чарующий стук своих каблучков. По дороге в колледж она хмурила лоб, припоминая слова мамы. Обидно! Алена обижалась на мать, что та живет с отцом, а не разводится. На отца обижалась, потому что он свинья, и этим все сказано. На брата обижалась, потому что нет ему дела ни до нее, ни до матери. На всех обижалась, у кого нормальные условия жизни.

Марина – крупная, некрасивая и конопатая девушка – вывесила белье на чердаке. Дом, куда ей посчастливилось устроиться работать, пройдя конкурс, построен на две состоятельные семьи. Он имеет два отдельных входа, два двора, огороженных каменной стеной, и даже чердак разделен надвое перегородкой.

Марину взяла в домработницы с проживанием одна из семей этого дома. У нее есть своя комната, туалет и душ, ей платят хорошую зарплату, которую она откладывает. Ей не приходится платить за квартиру, тратить деньги на еду – чем не жизнь?

Марина девушка хоть и молодая – ей двадцать четыре, а практичная. Она четко знает свое место, неустанно трудится, чтобы хозяева были довольны ею. Поработает лет пять, купит маленькую квартирку и... наверное, опять пойдет в домработницы, но уже в приходящие. Это городские девчонки важные, они лучше корки хлебные будут грызть, а в домработницы не пойдут. И хорошо, потому что на домработниц, как Марина, огромный спрос, они на вес золота. Четыре года завоевывала она репутацию образцовой служанки и вот дождалась своего часа.

Вывесив белье, она вышла на балкон и заглянула в соседний двор. Неприятные люди живут по соседству – купили по-

ловину дома год назад, а контактировать с соседями не желают. Гордые. Хозяева Марины люди компанейские, хорошие, особенно хозяйка. Однажды девушка слышала, как хозяин с хозяйкой обсуждали соседей и говорили, что те нелюдимые, невоспитанные нувориши. Кто такие нувориши, Марина не знала, а спросить постеснялась, да и боялась, что ее уличат в подслушивании. Это место потерять – равносильно смерти.

Несколько минут Марина наблюдала за небольшой сценкой в соседнем дворе. Соседка – женщина видная, лет за сорок, – выбежала во двор. Она явно была расстроена. За ней вышел муж – он такого же возраста и внешностью хорош, – обнял жену за плечи и что-то заговорил. Марина не слышала, что он говорил, как ни старалась. Но жена не хотела его слушать – выдергивала плечи и отступала, тихонько возражая. Потом вдруг расплакалась и отошла в сторону, скрывшись из виду. Сосед что-то говорил вслед плачущей женщине грубо, резко. Марина перегнулась через перила, но слов все равно не услышала, так как говорил он очень тихо, и только жесты да лицо выдавали его крайнее раздражение. Женщина хотела уйти, а он не пускал, встав у нее на пути. Рассердившись, она оттолкнула его, убежала в дом, потом выехала из гаража на машине на улицу. Раздосадованный муж поплелся в дом.

– Богатые тоже плачут, – подвела итог своим наблюдениям Марина и вернулась в комнату. – Надо же, ссорятся. И наверняка по пустякам. Вот глупые, им бы жить вволю, а они разборки устраивают...

Оленька переделалась, натянула маску бесстрастия на лицо и прошествовала на рабочее место. Виталика не было – он ушел после дежурства, и это помогло пережить длинный день. Она не могла не заметить шушуканья за своей спиной и взглядов, полных сочувствия и сострадания. Значит, все уже были в курсе ночных событий. Вот! Как раз эти взгляды бесили хуже некуда.

Оленька прилагала невероятные усилия, чтобы ничего не замечать. Разумеется, ей не пришлось на ум играть беспечную девицу, эдакую канарейку без туза в голове. Она была предельно собранной, обязанности выполняла исправно, только старалась ни с кем не разговаривать на отвлеченные темы и забывала лишний раз улыбнуться, как улыбалась раньше. Про себя бесконечно переживала измену мужа и занималась главным делом – поиском выхода. В принципе выход она нашла еще вчера, сейчас возникло множество других вопросов – где жить, когда искать квартиру, если не хватает времени, и чем за жилье платить. Оленька поняла, почему многие женщины не уходят от мерзавцев-мужей – им не на что содержать себя и ребенка, если он есть, негде жить. Так просто и так страшно.

Вскоре пришла Жанна, попросила Оленьку выйти в коридор, закурила и начала:

– Больница на ушах стоит. Ты устроила вернисаж на заборе? – Оленька свела брови к переносице, промолчала. – Скандал получился славненький. Дежурная поведала всему отделению в лицах, как Виталька догонял тебя с вареньем на голове, а докторша, как ты ее называешь, шмыгнула вниз, обернув вокруг бедер халат. Естественно, были сделаны правильные выводы, а потом все получили подтверждение в виде экспозиции на оgrade.

– А я не собираюсь ничего скрывать, – запальчиво заявила Оленька.

– Понимаешь, выставлять на посмешище себя, мужа и даже его любовницу глупо. Сейчас сделай вид, что ничего не было. В этом случае ты вернешь его. Хочешь уйти от него – уходи без шума, интеллигентно.

– Не хочу интеллигентно. И кто тебе сказал, что я хочу его вернуть? Я сегодня же соберу вещи и уйду от Витальки, потом найду квартиру. И не смей меня отговаривать!

– Что ты, дорогая, я и не думаю тебя отговаривать. – Жанна поняла, что сейчас Оленьку лучше не трогать, а следует поговорить с ней позже. – Кстати! Раз ты собираешься сегодня же уйти от Виталика, можешь пару дней пожить у меня, ведь Стас с детьми приедет не раньше воскресного вечера.

– Да? – обрадовалась Оленька. – Спасибо.

Она заметно повеселела и отправилась в процедурный кабинет. Жанна с сожалением смотрела ей вслед, качая головой.

– Ну, ничего, ничего, – сказала она тихо, доставая сигарету. – Пройдет. У всех случается, у всех проходит. Ты к нему уже приросла, Оленька, да и он к тебе. Все же грустно, что так паскудно на свете и никому нельзя верить.

* * *

Он намеренно решил купить эти чертовы туфли в день отборочных соревнований, чтобы поднять дочери настроение. Но тех туфель не было, что несказанно удивило Эмиля.

– Откуда деньги у людей на излишества? – пожал он плечами.

– Как ты не понимаешь! – повесила носик дочь. – Такие туфли привозят всего по одной паре каждого размера, я узнавала. Это делается, чтобы обладательницы туфель не попадались друг другу на глаза, за это и соответствующая цена.

– Кролик, ну посмотри другие туфли. Вон их сколько.

На этот раз Симона не стала испытывать папино терпение, отставила нитье в сторону и принялась обходить витрины. А потом началось...

У Симоны есть потрясающее качество: она умеет любую торговую точку поставить на попа. Через пять минут Симона сидела на пуфике, а три продавщицы носились вокруг нее, как метеоры. Она надевала одну за другой туфельки, придирчиво осматривала ногу, затем недовольно морщила носик и требовала принести новую пару. Поскольку требовала

она туфли далеко не дешевые, продавщицы терпеливо подносили товар и так же терпеливо уносили. Наконец, Симона надела две разные туфли и спросила папу, взмокнувшего от беспомощного долгого ожидания:

– Пап, тебе нравятся эти модели?

– Не знаю, я в таких не ходил, – вытирая лоб платком, ответил он.

– Пап, я могу рассчитывать на ту сумму, которую ты собирался потратить?

– Если скажу, что не можешь, ты ведь все равно потратишь именно эту сумму, так?

– Верно, – удивленно вскинула она на него свои красивые глазки. – Тогда я беру обе пары. Как раз на эту сумму. Уложите в коробочки и обязательно перевяжите веревочкой.

Из магазина Симона вышла по-королевски гордая. Казалось, кроме новых туфель, у нее нет забот. Отец отвез ее в спортивную школу. Эмиль волновался больше своего Кролика, который по дороге попросил мяса, заявив, что иначе умрет прямо на ковре во время соревнований. Пришлось захватить в ресторанчик и накормить ребенка.

* * *

В сумерках Алена целовалась в подворотне с парнем по имени Венька, который учится в параллельной группе. Целовалась страстно, как целуются в американских кинофиль-

мах. Вот если бы и житуха была как в кино – машины, наряды, пальмы, яхты. Она мечтала обо всем этом, ложась в постель на штопаные простыни. В данную минуту Алена представляла себя не с Венькой, хоть и бегают за ним многие девчонки. Нет, она видела себя в объятиях настоящего мацо – красавца с бронзовой от загара кожей, с играющими мускулами, задиристого, не прощающего скабрёзного взгляда в сторону возлюбленной. Умереть можно от одних грез!

Умереть не дал Венька. Когда он просто цапал Алену за грудь, она не возражала – от этого ее не убудет. Но когда полез под юбку, оттолкнула наглеца:

– Отвали! Нет, лапы ему распустить мало! Остальное дорого стоит.

– Да чего ты... – проямлил Венька, сглатывая слюну. Он находился уже в том состоянии, когда мозг молчит, поэтому облапил Алену и сжал в объятиях, по-мужски крепких, хоть парень и недостаточно окреп после совсем недавно закончившегося подросткового возраста. – Аленка...

– Пусти, чокнутый! – вырывалась она. И вырвалась. Уж ее назвать слабенькой и хиленькой нельзя. – Не заслужил.

– А твой жирный козел заслужил? – взбесился Венька. – Я все знаю.

– Знаешь? Так тем более, – ухмыльнулась она.

– Вот, – с обидой произнес он, усевшись на камень. – Можно подумать, ты целка!

– Но и не всем давалка, понял? – подбоченилась Алена,

подойдя к нему поближе и поставив ногу, обтянутую плотным чулком, на камень. – Сначала научись выражаться культурно – терпеть не могу хамства! – ухаживать научись, цветы дарить. А то ишь, разошелся, раз-два – и готово, без затрат и усилий... Не выйдет.

Он вел глаза от туфель Алены вверх по ногам, стройным и красивым ногам. Остановив взгляд на бахроме по краю коротенькой юбки, Венька лихорадочно придумывал, каким способом уломать девчонку. Она прочла его мысли, залиvisto рассмеялась и унеслась вихрем из подворотни. Он застонал и от бессилия саданул кулаком по камню, на котором сидел, но вдруг услышал издалека:

– Завтра, может быть, я смилостивлюсь. Пока.

И снова хохот задорной девчонки резанул по ушам. Венька остался в унылом одиночестве. Он вытер вспотевшие лоб и лицо ладонью, затем отправился в противоположную сторону, окрыленный надеждой. Хотя завтра... это же не сегодня.

* * *

В половине седьмого вечера Оленька с замирающим сердцем нажала на дверной звонок. Бывшего дома. Ключ остался в сумке, а сумка утеряна безвозвратно. Сто раз она за сегодняшний день представляла себе встречу с мужем-изменником, сто раз бросала обвинения во гневе, короче, готови-

лась морально. Ведь это сложно – пережить предательство любимого человека. Еще любить его, несмотря на гнусную измену, но уже сегодня отказаться от него. Он открыл. Вид у него был хуже, чем у побитой собаки, – жалкий и виноватый. Оленька, ничего не говоря, прошествовала в комнату и остановилась в раздумье.

Квартира принадлежит Виталику, а вот нынешний облик придала ей Оленька. Она свила уютное гнездышко, проявив дизайнерский талант. Для этого ей не понадобилось менять мебель, покупать дорогие предметы интерьера. Оленька умеет шить, рисовать, плести из лозы и еще много чего. Одну комнату, большую, она умудрилась разбить на несколько зон, и все они прекрасно дополняли друг друга. Это зона отдыха с имитацией камина, тут гостиная, здесь кабинет Виталика с библиотекой, а вот кухня... Ах, да, кухня. Оленьке пришла идея в голову разрушить кухонную стену, ведь на Западе так и делают. Правда, на Западе и не готовят столько дома, но Оленька выделила деньги из семейного бюджета на вытяжку, воздух в квартире практически всегда остается без примесей запахов готовящейся еды. Зато появился простор. И все теперь полетело к черту...

– Где ты была ночью? – спросил Виталик. Просто спросил. Без всякой интонации. Разве что... в его фразе прозвучала озабоченность. – Могла бы позвонить...

Заботу мужа она восприняла как издевку.

– Это у меня спрашиваешь ты? – повернувшись к нему ли-

цом, спросила Оленька. А ее интонация ясно говорила, что она не потерпит вопросов такого рода. – Ты?!

– Оленька, я знаю, что ты... обижена... оскорблена...

В уме она отрепетировала гневные тексты, а тут вдруг все они застряли в горле. Поэтому, не растекаясь по древу словесами, она достала баул, поставила его на стул и принялась укладывать туда свои вещи.

– Ты что хочешь сделать? – вытаращил Виталик глаза. Она проигнорировала его вопрос, продолжая складывать вещи. – Оленька, ты слышишь меня?

– Конечно, слышу, – соизволила она ответить. – Я уйду.

– Куда?! Куда ты уйдешь? На ночь глядя...

– Тебя это не касается.

– Ты, между прочим, моя жена.

– Была, Виталик, была. До вчерашней ночи.

– Послушай. – Он взял ее за руки, но Оленька брезгливо выдернула руки и вернулась к своему занятию. – То, что произошло... случайность... ничего серьезного...

– погоди, Виталик, – выставила ладонь перед собой Оленька, но в лицо ему не смотрела, боясь разреветься. Никогда он не увидит ее страданий! – Не стоит оправдываться. Что случилось, то случилось. И ставим тут точку.

– Оленька, прости меня. Это... этого больше не повторится, клянусь.

– Может быть, ты говоришь правду, но я тебе не верю.

– Черт! – воскликнул он, в сердцах взмахнув руками. –

Я раскаиваюсь! Прошу тебя, не уходи сейчас. Пройдет время... я постараюсь загладить свою вину и...

– Не хочу ждать, – сухо сказала Оленька, застегивая баул. – Чтобы не терять тех, кого ты не хочешь потерять, не следует гадить. Прощай. – Он перегородил ей дорогу. – Ключей у меня нет, – спокойно сказала она, – поэтому не возвращаю их. Я вчера потеряла сумку. Остальные мои вещи перевезешь на работу. А теперь уйди из моей жизни.

Виталик стоял в остолбенении. Тогда Оленька обошла его и выбежала на улицу, досадуя на себя за то, что не смогла уничтожить Витальку словами, которые так тщательно готовила целый день, а наедине репетировала. И как точно заметили писатели: слезы душат. Слезы душили Оленьку. Правда, она делала над собой невероятное усилие, чтобы не рыдаться при муже. И не простить его. А такие позы были – простить. Глубоко внутри ей очень хотелось верить, что он искренне раскаивается. Но оттуда же – изнутри – рождалось понимание, что, простив его, Оленька все равно столкнется с его изменой, и не раз. Простить Виталика – значит, в дальнейшем снисходительно смотреть на его «шалости» с докторшами и медсестрами. Нет, нет и нет! Только не прощать. Гордиев узел рубят одним махом.

На улице она нервно оглядывалась, не соображая, куда ей следует ехать. Из подъезда вышел Виталик, энергично направился к ней. О, нет! Только не это! Второй раз за сегодняшний день будет трудно устоять перед соблазном про-

стить его. Оленька, изогнувшись под тяжестью баула, добралась до проезжей дороги, конвульсивно замахала рукой проезжавшим машинам. Виталик догнал ее, схватил за ручки сумки:

– Прекрати! Ты ведешь себя как ископаемая баба. С каждым случается подобное, и никто не разводится из-за такой ерунды. Я понимаю, тебя это бесит, оскорбляет. Но это же... как в туалет сходить, не более. Люблю я тебя, разве этого тебе не достаточно? Если бы позвонила мне и предупредила, что приедешь, ты бы даже не знала...

Оленька, находясь на пределе нервного срыва, вырывала ручки баула во время откровений мужа. Но после последних циничных слов прекратила дергать ручки в свою сторону и от всей души влепила Витальке пощечину. Он застыл на месте, и только тогда ей удалось забрать баул и в довершение процедить сквозь стиснутые зубы:

– Не надо всех подгонять под свои принципы, которых на самом деле нет. У меня другие правила, и знаешь, мои мне нравятся больше. Ты свободен. Теперь тебе не надо подстраиваться под меня, живи, ходи «в туалет», но меня не перевоспитывай на свой лад. Я вышла замуж, потому что любила тебя. Это значило, что я никого к себе не подпущу. Этого же я была вправе требовать от тебя. У тебя, оказывается, другой устав, мне он не подходит.

– Я не отпущу тебя...

И – какая наглость! – он насильно притянул ее к себе, об-

нял, сжал крепко и что-то глупое зашептал в ухо. Оленька отчаянно закричала:

– Отпусти! Ненавижу тебя...

– Девушка, вам нужна помощь?

Оленька повернула голову на голос. Из окна автомобиля на нее смотрел мужчина с темными волосами, в которых поблескивала проседь, хотя старым его нельзя было назвать.

– Да! – воскликнула она, приложила последние силы и вырвалась из тисков мужа. – Пожалуйста, подвезите меня... туда... куда-нибудь...

Не выходя из авто, мужчина открыл дверцу. Оленька кинулась на переднее сиденье, с трудом водрузила баул на колени, захлопнула дверцу и выпалила:

– Трогайте! Быстрее!

Мужчина выполнил просьбу, рванул машину с места, а Оленька оглянулась. Виталик заложил руки в карманы брюк и с недоумением шел вдоль обочины, глядя вслед машине, увозившей жену. Оленька поспешила отвернуться и похвалила себя. Сегодня она выдержала экзамен на стойкость – не сдалась под напором Виталика, значит, выстоит и потом. И вдруг очнулась, посмотрела на дорогу, затем на водителя:

– А куда мы едем?

– Куда-нибудь, как вы просили, – улыбнулся он, не отводя глаз от дороги впереди. – От кого вы отбивались?

Оленька украдкой посмотрела на профиль мужчины за рулем. Ему лет сорок, спокойный и уверенный в себе, внеш-

не очень привлекательный, наверное, у таких мужчин тьма обожательниц. Он почувствовал, что она изучает его, повернул на мгновение к ней лицо и снова улыбнулся располагающей улыбкой. Захотелось рассказать ему все, настолько он излучал доверие и благодушие, но Оленька этого не сделала. «Ясно, он такой же, как Виталька, – бабник», – сделала она вывод. Правда, вслух сказала:

– Это был мой муж. Бывший.

– Ого! – воскликнул он. – Он вас обидел?

– Да, – последовал короткий ответ. И больше никаких подробностей.

– А как вас зовут, милая девушка?

– Меня? – почему-то удивилась она, затем нерешительно назвала имя: – Ольга.

– А меня Эмиль.

– Простите, а как ваше отчество?

– Неужели я так стар, что красивая молодая девушка должна обращаться ко мне по отчеству? Ну, раз вы так думаете, то признаюсь: Максимович.

– Я совсем не думаю, что вы стар... извините... я могу и без отчества... Знаете, вы лучше остановите, а то у меня нет денег. Я как-то не подумала, когда садилась...

– Успокойтесь, Оленька. – Ну вот, и он назвал ее Оленькой, а не Ольгой! Она ненавидела свое имя. – Я не подрабатываю извозом, поэтому доведу вас, куда вам надо, бесплатно. Все равно катаюсь. Потому что волнуюсь, а дорога – хо-

роший способ убить время и подумать.

– Волнуетесь? – рассеянно спросила она. – Почему?

– У дочери соревнования, приехали важные дяди и тети, будут отбирать гимнасток на солидные соревнования. Я очень не хочу, чтобы она победила. Но она победит.

– Вы странный, – теперь более заинтересованно и без предубеждения посмотрела на водителя Оленька. – Вы не хотите, чтобы ваша дочь победила?

– Не хочу. Она же уедет. Мне будет тоскливо без нее. А хотите посмотреть на ее выступление? У нас в городе, оказывается, неплохая школа художественной гимнастики.

Она задумалась. Семь вечера. У Жанны ее ждет долгое перебивание костей Виталику и коллегам, которые все знают, следовательно, Оленька будет переживать измену вновь и вновь. Невыносимо! Если бы у нее была малюсенькая каморка, где можно было бы спрятаться от сочувствия и жалости, она отправилась бы только туда. Но у нее нет самого главного – крыши над головой. Из-за этого придется пережить многое. А почему бы сейчас действительно не пойти на соревнования? Пусть с первым встречным. Что в этом дурного? В конце концов, она уже не замужняя женщина, она свободна, как птица для полета.

– Вы боитесь? – угадал в ней нерешительность Эмиль. – Клянусь, я на плохие поступки не способен. И так ли уж я страшен?

– Вовсе нет, – улыбнулась Оленька. Улыбнулась за послед-

ние сутки, кажется, первый раз. – Хорошо, поехали на соревнования. Только остановитесь где-нибудь, откуда можно позвонить.

Тогда он протянул ей сотовый телефон. Оленька набрала домашний номер Жанны:

– Это я. Приеду чуть позже. Нет, все в порядке. Просто встретила приятеля, мы решили посмотреть соревнования по художественной гимнастике.

То, что Оленька услышала от подруги, удивило и покорило ее:

– Лапонька, не вздумай переспать со своим приятелем. Многие женщины так поступают в подобном твоему прискорбном случае. Но потом их тошнит и от себя же.

– Хорошо, – выдавила Оленька, вернула телефон Эмилю и задумалась. Ей почему-то расхотелось ночевать у Жанны. Расхотелось работать в больнице, где ее и Виталика будут держать под прицелом, пока не потеряют интерес, и где ее замучают советами. Как же все это пережить?

* * *

В восемь Марина обязана подать ужин, который не должен быть тяжелым. В основном овощи, фрукты, рыба или другие морепродукты.

Ужин Марина приловчилась готовить за полчаса. Потом она накрывает стол на четверых человек, ждет, когда хозя-

ева поедят, убирает со стола – и свободна. Она ужинает на кухне, не соблюдая правил питания, как соблюдают хозяева. Марина рабочий человек, ей положено есть плотно, чтобы проснуться утром с хорошим настроением и с удовольствием приступить к хозяйственным делам. Естественно, страсть хорошо покушать отразилась на фигуре, так ведь Марина не модель, тонкая талия ей ни к чему. А полуголодный человек обычно злой. Вот, к примеру, хозяин, Борис Евгеньевич. Наверное, ему мало рыбы и овощей на ужин, поэтому он такой неразговорчивый. Или не так: он слишком серьезный человек, но с Мариной вежлив. Зато хозяйка, Татьяна Романовна, великолепная женщина. Она и верховодит в доме, что правильно. Подавляющее большинство мужчин – бестолковые, в хозяйстве ничегошеньки не смыслят.

Правда, надо отдать должное хозяину, внешность у него исключительная. Татьяне Романовне остается позавидовать и посочувствовать одновременно. Борис Евгеньевич выглядит молодо, высокий и стройный, несмотря на тридцать семь лет, а ведь в его возрасте многие мужчины изрядно полнеют. Черты лица у него тонкие и благородные, глаза большие, темно-синие, и когда он смотрит на домработницу, у нее автоматически выключается всякое соображение. Марина, например, терпеть не может лысых мужчин, а у Бориса Евгеньевича волосы – поток роскошных темных локонов. И ресницы длинные, как у девушки.

Кстати, в городе мода на длину волос самая разнообраз-

ная, и по волосам легко распознать принадлежность мужчин к определенному классу. Чиновники стригутся одинаково коротко, но волосы все же остаются на голове. Бандитская братия и мелкие лавочники стригутся под ноль, то есть остаются вчистую без волос. Раньше Марина думала, что это в кино придумали лысую породу братков, но когда приехала в город, поразилась: все как в кино – лысые, пальцы веером, а чего говорят, вообще не разобрать, как иностранцы. Студенчество отличается разнообразием причесок, а также свободой поведения. Средняя прослойка стрижется в соответствии с национальными требованиями, и только те, у кого от природы великолепная шевелюра, не признают ножниц. Надо сказать, таких мужчин в городе много. Однажды она видела: несколько человек выступали по местному телевидению, мол, длинные волосы – это истинно русская прическа. Что ж, может, они и правы, и Марине так нравится.

В чем еще повезло Марине? Хозяева не старики с идиотскими капризами, а люди современные, и проблем с ними нет. Только хозяйка часто болеет – сердце у нее слабое. Двое детей – долговязый мальчик и милая девочка, соответственно четырнадцати и двенадцати лет – не докучают Марине. Дети славные, умные, прилежно учатся. И в который раз она поблагодарила бога, что послал ей отличную работу!

Марина из деревни. Деревенька стоит недалеко от города, но все равно это как два разных континента. Да и добираться туда сплошное наказание, так как транспорт почти не ходит.

В деревне одна для девушки перспектива – замуж. А потом вкалывать вместе с мужем на собственном огороде и на поле, нанявшись батрачкой к новым фермерам, да и то если фермер соизволит взять на работу.

В общем-то это нормальный путь для деревенской девочки, только есть одно «но» – замуж выходить не за кого. Парни либо в армии, либо удрали из деревни, а те, кто остался, пьют безбожно. Да и сама деревня год от года становится все меньше. Брошенные дома ветшают, их никто не покупает, городским не нужно, а у своих денег нет. Мать рассказывала, что однажды и врача в округе не нашли, больного повезли в город, а у того острый аппендицит, едва спасли. Не знала Марина, что от аппендицита можно умереть. Так что, сколько бы ни уговаривали умные головы в телевизоре насчет прелестей деревенской жизни, у нее один ответ: сами туда езжайте и там живите. Она хочет, чтобы ее дети росли в нормальных условиях, где есть поликлиники, больницы, различные школы, в которых ребенок научится всему на свете.

Выходной у нее – среда, и Марина пользуется им в полной мере. А как же, ей иногда тоже хочется побездельничать, насладиться благами города. Марина гуляет, ест в кафе мороженое и не торопится, сидит в парке на скамеечке, наблюдает за прохожими, а то и перекинется несколькими фразами со старушками. Случается, в кино заходит, но редко, билеты слишком дорогие. А вечером идет в бассейн. О, бассейн – это чудо из чудес. И в какой деревне есть бассейн? Пусть по-

кажут, тогда в ту деревню Марина, может быть, и поедет.

Итак, в восемь она кормила хозяев и хозяйских детей с самым ответственным видом. Вдруг снаружи взвизгнули тормоза, раздался мощный рев мотора.

– Мариночка, посмотри, пожалуйста, это к нам? – попросила Татьяна Романовна.

– И смотреть не надо, – пробубнил Борис Евгеньевич. – Наши соседи выехали. Кажется, они поменяли машину.

Но Марина подошла к окну, ведь желание хозяйки – приказ, который не обсуждается. Отодвинув занавеску, подтвердила слова хозяина:

– Да, из их гаража выехала машина. А я сегодня видела, как соседка плакала и ссорилась с мужем.

– Мариночка, ссоры в семье – обычное дело, – усмехнулась хозяйка.

Уж точнее не скажешь. Марина часто слышит перебранки своих хозяев, но никогда даже намек не делала со своей стороны, что в курсе разборок. Собственно, слышать отчетливо темы ссор ей не доводилось, потому что ругаются они шепотом. А зря. Вон и по телевизору советуют выпускать эмоции, и врачи говорят то же. Даже говорят, что ссоры полезны, но ссоры, а не шипение. Короче, хозяева всячески скрывают проблемы, однако интонации, слезы, отдельные выкрики – этого достаточно, чтобы сделать выводы.

– Да, – пожалала домработница плечами. – В семье чего только не бывает.

Едва Симона встала на пьедестал с цифрой «1», Эмиль подскочил с места, замахал руками, и мальчишеский вопль восторга вырвался из его груди. «А говорил, не хочет, чтобы она победила, – подумала Оленька, глядя на него снизу вверх. – Странно, взрослый человек, а скачет как ребенок. Неужели отец может так сильно любить? Он феномен».

Симона в великолепном бирюзовом костюме с изысканной вышивкой была ослепительно прекрасна. Глаза ее излучали блеск, который был, наверное, виден даже с последнего ряда, на щеках пылал румянец... Да вся она, хрупкая и тонкая, просто светилась от счастья. К ней ринулся юноша с огромным букетом цветов, который купил папа и отдал парнишке, чтобы тот вручил его Симоне. Как рассказал Эмиль, паренек – поклонник дочери, который, к сожалению, ее расположением не пользуется, поскольку у Симоны завышенные требования.

Чуть позже Оленька познакомилась с дочерью Эмиля. Девочка не пришла в восторг от присутствия подруги папы, но вежливую мину на красивое личико натянула. Она залезла в машину на заднее сиденье, бросила ворох букетов рядом с собой и отвернулась к окну. Папа предложил подвезти и юного поклонника дочери. Тот с удовольствием плюхнулся на сиденье возле девушки, которая на него никак не проре-

агировала. «Избалованная любовью», – заключила Оленька, наблюдая за девушкой.

– Может, нам всем отметить победу? – предложил Эмиль.

– Я устала, – томно изрекла дочь.

– Спасибо, – подхватила Оленька, – но и я не могу. Меня ждет подруга. Если вам нетрудно, отвезите меня к ней.

– Желание дам для меня закон, – пошутил Эмиль, трогая машину с места.

* * *

Алена бежала по пустынным улицам к дому. Далеко не страх подгонял ее, Алена ничего не боится, она храбрая, не в пример современным парням. Да и кого ей бояться на улицах, где выросла, она знает их как свои десять пальцев! Нет, не десять, а двадцать, на ногах тоже есть пальцы. Алена ликовала, посему неслась вприпрыжку, словно хотела допрыгнуть до седьмого неба, ведь именно там, по слухам, находится счастье. Любовник – до чего же милый дядечка! – подарил настоящие наручные фирменные часы! И еще пятьдесят долларов в придачу.

Есть же на свете нормальные люди! А то некоторые не догоняют, что молодая и красивая девушка нуждается в подарках. Да Алена ради подарков и встречается с толстопузиком, а вовсе не по велению сердца. Любовник понимает все, отдает отчет возрастной разнице и балует свою куколку подар-

ками. Это нормально. Ненормально, когда пересподишь с плешивым козлом, а унесешь из его постели шиш с маком. И нет вины на дягечке-любовнике, что поздней ночью Алена одна добирается домой. Он предлагал отвезти ее. Как же! После таких подарков и домой? Алена отказалась категорично, потому что не могла не забежать к подруге – хотела показать часики. Шик, а не часики, просто игрушечка на запястье!

У Алены никогда не было часов. С папой-алкоголиком удивительно то, что на ней еще трусы и колготки имелись. Но теперь у Алены есть часы знаменитой японской фирмы, самозаводящиеся, водонепроницаемые. У подружки глаза из орбит выползли, и жаба ее душила основательно. Алена хихикала и любовалась блестящим корпусом, изящным браслетиком и камешками вокруг циферблата.

Глядеть-то глядела, но на часы, а не на время. Когда присмотрелась, одиннадцать уже натикало. Она подхватила и бегом понеслась домой. Разумеется, Алена не боялась ни матери, ни отца. Ворчание матери она даже на слух не воспринимает, а отца ни в грош не ставит. Просто завтра занятия в колледже с раннего утра, а у нее доклад. Все, что угодно, можно сказать об Алене, только нельзя назвать ее лентяйкой и неприлежной ученицей. Учебу она любит, была бы возможность – и в институт подалась бы. По этой причине Алена и летела домой, ведь необходимо еще собрать доклад в альбом, сшить, красиво оформить... Короче, на все требуется много времени. На утро работу Алена не откладывает.

ет никогда, потому что утром любит поспать, и разбудить ее равносильно тому, как будить глухого, – хоть из пушки стреляй.

Внезапно она остановилась. Впереди простиралось темное пространство пустыря. Когда-то, во времена сопливого детства Алены, на этом пустыре собрались строить большой современный спортивный комплекс. Тогда в городе правил первый секретарь – любитель спорта. Вот и выделил он для комплекса огромное пространство, ради чего снесли дома частного сектора, расчистили его... а построить не построили. Так и остался стоять пустырь, летом густо зарастающий сорняками в рост человека. Первых секретарей сменили мэры, а эти господа ни к чему пристрастия не питают, посему город разрушается. До пустыря им тем более нет дела. Пересекать его ночью опасно по одной-единственной причине – много ям, рытвин, ухабов. Эти неровности ландшафта даже днем незаметны, а уж ночью... Но Алена практически каждый день смело ходит через пустырь.

А сегодня подруга предупредила, что в городе маньяк объявился и уже грохнул аж целых пять человек. Сначала он их топориком, потом расчленяет на части ножом и пилой, потом все скидывает в реку или канализацию. А мама подруги дополнила, что маньяк еще и каннибал вдобавок, то есть кушает людей живьем. Ужас какой-то! Не то чтобы испугали Алену рассказы про маньяка, но не по себе ей стало. В основном из-за того, что нет у нее никакого предмета для

самообороны. Был бы хоть нож, тогда хрен тот маньяк с ней справился бы. Собственно, Алена недолго думала, что ей делать. В конце концов, не в обход же топать. Вон и ночь лунная, а луна круглая и большая, неплохо видно вокруг. Алена отыскала приличный булыжник и двинула по пустырю, сжимая камень в руке. Пусть попробует маньяк напасть на нее, булыжником так приложит его – не обрадуется.

Она шла торопливо, но осторожно, хотя все равно изредка подворачивая то одну, то другую ногу. Но, к счастью, не сильно. Конечно, для пробежки по пустырю не ботиночки должны быть на ноги надеты, а кроссовки. И фонарик надо купить, все равно еще целый год придется скакать по пустырю. Есть малюсенькие фонарики, а светят отлично. Только дорогие. Раньше о таких излишествах не могло идти речи, но сейчас у Алены есть деньги, значит, будет и фонарик.

Кстати, говорят, что пустырь разбивают на участки, а участки пустят с молотка. И, говорят, много есть желающих купить участки под застройку коттеджей. Поскорей бы покупали и застраивали, что ли! А то жутковато здесь ходить ночами, зимой вообще страшно даже Алене, но она все равно ходит через пустырь. Да и много ли найдется умников, которые согласятся дорогу сделать длиннее втрое? Наверняка один из ста, а девяносто девять предпочитают идти напрямик.

Алена была примерно на середине пустыря и вдруг остановилась, прислушиваясь. Безусловно, она слышала приглу-

шенные звуки... человеческий голос... похоже, женский... Короткий вскрик – и снова звуки неясного происхождения. Нет, точно это женский вскрик был... Как будто женщина с кем-то борется, а рот ей кто-то упорно закрывает. «А раз она борется, – подумала Алена, – стало быть, ее насилуют».

Как, по логике, должна была поступить в тот момент девушка? Разумеется, убежать. Кто угодно убежит, только не Алена. Ориентируясь лишь по звукам, она пошла на них. Вскоре набрела на углубление, где барахталась женщина в белом костюме, а на нее навалился здоровый мужик. Алена оказалась права – мужик насилует женщину. Не раздумывая, она закричала, а голосок у нее зычный, недаром на концертах в колледже ей всегда поручают вести программу и в хор приглашают:

– Сашка! Колька! Сюда! Ко мне! Мужик трахает бабу! А она не хочет.

И булыжник запустила в спину мужику! Раздался стон. Алена заложила в рот два пальца и свистнула – точь-в-точь Соловей-разбойник. Не успела она опомниться, как мужик подскочил и вылетел из ямы, как пробка из бутылки, чуть не свалив Алену.

– Караул! – завизжала она. – Сашка! Где вы, ребята? Он и меня трахает! Колька! А!..

Через пару минут, послушав тишину, Алена закатилась от хохота. Женщина сидела в яме и всхлипывала, шаря по телу руками, будто ей не терпелось убедиться, что осталась невре-

димой. Длилось это пару минут, затем женщина сказала:

– Чего ржешь? Он убить меня хотел.

– А чего не убил? – полюбопытствовала Алена.

– Не успел. Я домой шла, и вдруг он. Ниоткуда появился... прямо передо мной. Испугалась я, – расплакалась она. – А он рот зажал и потащил... как будто то, что хотел сделать, нельзя было прямо на месте... никого же кругом. Потом бросил сюда. Я закричала. А он упал на меня, зажал рот, стал рвать колготки... а нож к горлу приставил. Поранил, сволочь. Смотри, кровь идет... – Но, догадавшись, что крови не видно, закончила свой рассказ: – Тут ты появилась. Спасибо тебе. А где Сашка и Колька?

– Нет их, – хихикнула Алена. – Это я с испугу звала на помощь. И, гляди-ка, помогло. Как тебя зовут?

– Римма. Ой, меня трясет всю. Когда он...

– По дороге расскажешь, – подскочила Алена и протянула ей руку. – Вставай, а то вернется еще, тогда нам обeim несдобровать, он здоровый. Кстати, меня Аленой зовут. У родителей не хватило ума имя подобрать красивое, самое примитивное дали... Бежим?

Уговаривать ту не потребовалось. Римма поднялась, уцепилась за руку Алены, вдвоем они помчались через пустырь, не оглянувшись ни разу.

Зря не оглядывались. Если бы оглянулись, то увидели бы, как в двадцати метрах от них с земли поднялась тень. Если бы оглянулись, когда миновали пустырь и с громким хохо-

том ступили на тротуар, увидели бы все ту же тень, следовавшую за ними. Если бы каждая из них оглянулась, когда расстались и побежали разными дорогами, то заметили бы, что тень последовала за Аленой. И если бы Алена оглянулась в последний момент, когда заходила в подъезд своего дома, то увидела бы тень недалеко.

Он остановился у детской площадки, всего в пятнадцати шагах от подъезда, но не вошел вслед за Аленой.

* * *

К понедельнику погода установилась не летняя, но все же теплая. Муж Жанны приехал с детьми в воскресенье вечером, но Оленька не нашла квартиру, а точнее, не искала.

К сожалению, не так-то это просто – сказать себе: катись все к черту, я начинаю новую жизнь! Может, и есть такие, кто легко относится к изменам, только не Оленька. Отправиться на поиски квартиры ей мешала депрессия. Правда, на работе ее состояние почти не отличалось от обычного. Разве что Оленька стала внешне более сдержанной. А внутренне она была натянута как струна. По ее лицу трудно было определить, насколько ей плохо, а переживала она очень сильно. Общения с сотрудниками на работе она избегала, но делала это тактично, ссылаясь на неотложное дело. Она заметила, что окружающим людям безумно интересно наблюдать за ней, они ждали выпадов против Витальки, какого-нибудь

эксцентричного поступка. Хотя что может быть эксцентричней выставки нижнего белья и одежды соперницы на заборе? Оленька разочаровала коллег именно тем, что выпадов не делала. Виталька не пытался заговорить, давал жене время одуматься. Да, именно одуматься. Жанна передала его слова Оленьке, которая выслушала их с каменным выражением, будто к ней ультиматум мужа не относится.

Но наступил понедельник, следовало что-то придумать с жильем, иначе Оленька попадет в категорию бомжей. Просить Жанну выделить угол еще на пару дней она не стала. Если честно, ей хотелось убраться из гостеприимного дома как можно скорей, потому что была невыносима жалость и со стороны Жанны, и со стороны ее мужа. Они не давали забыть предательство Витальки даже тогда, когда молчали. Во время молчаливых пауз их лица все равно несли печать свершившейся драмы. Точно подмечено: в доме повешенного о веревке не говорят... но о ней постоянно думают. Трагические лица, а также сочувствие в глазах и натужное молчание – от всего этого сбежишь хоть на Луну. А Оленьке как раз было необходимо не вспоминать. От сознания, что внесла дискомфорт в жизнь друзей, она чувствовала себя виноватой, а переживания, которые со шепетильной стыдливостью загоняла глубоко внутрь, ждали одиночества.

Утром в понедельник она собрала вещи и приехала на работу. Первым делом попросила аудиенции у заведующим. Человек он вполне нормальный, без амбиций и заносчиво-

сти. Он принял ее безотлагательно. Оленька подумала, что пикантная история с вареньем на голове мужа и трусиками на заборе долетела и до него, в противном случае он бы назначил встречу на конец рабочего дня, ведь медсестра – не врач, проблемы которого безотлагательны. Оленька вошла в скромно обставленный кабинет, села на стул и опустила глаза, не зная, с чего начать.

– Ну-с, милая, – скрестил ее шеф пальцы и положил на стол жилистые руки. Глаза его обдали девушку холодком. – В чем проблема? Хотя не говори, я все знаю. Если ты пришла просить наказать Виталия Андреевича административно, то вынужден огорчить тебя. Шашни на рабочем месте – это, конечно, преступление, но ненаказуемое. Такой статьи не предусмотрено ни в законе, ни в нашем уставе. Вот если бы в это время, когда он... хм... кто-нибудь пострадал из больных, тогда... да. А так – нет.

– Извините, я не о наказании говорить пришла, – нетактично перебила его Оленька. Выслушивать дальше его бред она была просто не в состоянии, так и хотелось запустить графином в голову начальства. – Я прошу вас позволить ночевать мне в отделении. Это ненадолго, всего неделю-две, пока я не подыщу жилье.

Наступила пауза. Со всей очевидностью стало ясно, что заведующим не ожидал подобной просьбы. Зная женщин, поскольку прожил на свете аж шестьдесят семь лет, он ждал жалоб со стонами, слез вперемежку со злобой, но не невин-

ной просьбы позволить ночевать в больнице.

– Детка, – обратился он к Оленьке по-отечески тепло, – ты ушла от него?

– А вы бы остались? – без эмоций спросила она.

– Мда... – произнес заводителем, откинувшись на спинку стула и постукивая по столу костяшками пальцев. Его «мда» означало большую озадаченность. – Выходит, жить тебе негде. А ты знаешь, сколько придется платить за квартиру? Это очень дорого.

– Но я жила на квартире после медицинского колледжа, – мягко возразила Оленька. – Я же не ищу отдельную, со всеми удобствами, мне сойдет и с хозяйкой, и пусть даже удобства будут во дворе. Квартира с хозяйкой стоит намного меньше, а я уживчивая.

Завотделением замер, с минуту буравил Оленьку умными глазами. Ему понравилось, что она не становилась в позу жертвы, избегала говорить об измене мужа. Она с честью приняла удар, следовательно, девочка достойна уважения.

– Можешь жить, – разрешил он. – Кстати, я подумаю, чем тебе помочь. Что, если побольше загрузить тебя? Еще полставки возьмешь, справишься?

Оленька заверила, что справится, поблагодарила шефа и покинула кабинет, чуть ли не взлетая к потолку от радости. Спиной она чувствовала, как все с удивлением глядят ей вслед. «Не дождетесь увидеть меня поверженной!» – думала она, приступая к работе.

В этот день Оленька действительно поразила всех. Казалось, история с мужем ее больше не волнует, она даже рада, что так вышло. Глупые, они не знают, что из всех проблем самая важная – крыша над головой. Когда эта самая крыша есть, остальные проблемы не кажутся столь страшными.

Правда, жизнь зависит даже не от количества проблем, а от качественного, так сказать, их состава. Проблемки ликвидируются достаточно скоро, а большие проблемы загоняют под стопудовый пресс. Такой проблемой снабдила Оленьку реальная жизнь. Проблемищей с вытекающими отсюда особенностями. А особенности состояли в том, что общественное мнение вдруг кардинально изменилось – теперь сочувствие вызывала не она, а Виталька! Оленька вызывала у многих или открытое злорадство, или подчеркнутое равнодушие, или снисходительное внимание, если дело касалось работы. Это было похоже на бойкот!

Оленька не могла найти причину столь вопиющей несправедливости, но спросить напрямую: «А я в чем виновата?» – не решалась. Оставалось молча сносить обиды, доходя своим умом до сути. А суть, как она догадалась, состояла в том, что она в этом храме здоровья – *никто*. Ей непозволительно поступать в соответствии с личными моральными принципами, так как на это она не имеет права. Вот не имеет, и все! Никогда прежде девушке не приходилось сталкиваться с подобными проблемами, но даже Жанна стояла на позиции «непротивления», а отношение коллег назвала «солидарно-

стью» с Виталиком. Никто не ожидал, что в Оленьке упрямства заложено выше крыши и что она там, где многие проявляют завидное смирение, восстанет.

Что же ей делать? Вернуться к маме и папе в «населенный пункт», из города – в провинциальную провинцию? Там перспектив – ноль. Нет, это не выход. Да, безмятежность канула безвозвратно, осталось выбрать единственно верное решение и жить, несмотря ни на что.

В среду ее позвали к телефону. Звонил Эмиль и пригласил поужинать. Собственно, почему нет? Оленька уже убедилась в своей ошибке – она неверно полагала, что наедине с собой ей будет легче пережить внезапное одиночество и обиды. Эмиль не знает, почему она ушла от мужа, и вряд ли будет расспрашивать об этом, потому что при первом знакомстве он показался ей тактичным и воспитанным человеком. Вторая причина, по которой она согласилась на ужин, состояла в том, что именно сейчас ей не помешает внимание импозантного мужчины. В конце концов, наверное, не зря говорят, что клин выбивают клином. Да и вырваться хоть на часок из больницы, где обструкция никак не шла на убыль, – все равно что свежего воздуха глотнуть.

Эмиль подъехал к служебному входу. О, как кстати она согласилась! Потому что в дверях служебного входа Оленька столкнулась с Виталиком. Только он входил в здание больницы, а она выходила. Виталик заговорил с ней, взял за руку и попросил отойти в сторону.

– Извини, мне некогда, – произнесла она холодно, высвобождая руку. – Меня ждут.

И спокойно села в шикарную машину. Когда «Фиат» Эмиля разворачивался, она краем глаза заметила лицо мужа – перекошенное, будто его укусила кобра. Оленька почувствовала торжество. Да, что называется, сразила мужа наповал. А что он себе вообразил? Что его жена никому не нужная замухрышка? Никто и ничто? А вот и нет! Жаль, больше никто этого не видел, кроме Эмиля, наблюдавшего за ее мужем в зеркале.

Настроение поднялось, и теперь Оленька легко общалась с новым знакомым, а он оказался необыкновенно интересным человеком. В ресторане, ожидая заказ, она осведомилась:

– Где ваша дочь Симона? У девочки красивое имя.

– Симоной ее назвала моя мама, она любила все неординарное, а во времена ее молодости была модной актриса Симона Синьоре. Что касается моей дочери, то она сейчас празднует день рождения подруги.

* * *

Симона ушла с вечеринки. Она брела домой, утирая слезы обиды, вызванные чужой завистью.

Особенно остро зависть проявляется у девчонок, и тогда они становятся ядовитыми, говорят колкости, открыто на-

смежаются без причин. Даже дорогой подарок, подаренный Симоной, явился лишним поводом к выпадам. Мальчишки проще относятся к успехам Симоны, однако есть и ребята наподобие девчонок. Если бы они все знали, с какой болезненностью воспринимает Симона их отношение! Она мечтала о признании одноклассников, с их стороны достаточно было бы одного слова «молодец», и все. Но они либо отмалчивались, либо засыпали насмешками.

Папа уверял, что зависть – самая древняя форма человеческого негатива. Пусть древняя, но Симона сейчас страдала непередаваемо. И когда она в последних соревнованиях одержала действительно большую победу, подружки словно получили долгожданную возможность забросать ее ядовитыми комплиментами.

Сегодня Симона не выдержала, ушла с вечеринки, сказав, что завтра у нее тяжелый день. В конце концов, она не заслуживает подобного отношения! Девчонки и на эту тему похихикали: дескать, знаем мы твои тяжелые дни, мол, представляешься великой труженицей, а на самом деле заучила несколько движений и теперь на них выезжаешь. От такой несправедливости Симону заклинило, она не вняла разуму, который утешал, как и папа: это всего лишь зависть. Девочка выбежала на улицу, за ней поплелся и влюбленный в нее одноклассник. Но она ужасно разозлилась на него. Кто должен был заступиться? Кто должен был прекратить поток несправедливостей? Он! Если действительно влюблен. А он сму-

ценно опускал голову на грудь и делал вид, что не слышит. Это называется двуличием.

– Я не хочу тебя больше видеть, – гордо сказала Симона и ушла.

Она не стала звонить папе, чтобы приехал за ней. Ему кажется, что ее возмущение несправедливостью одноклассников ерунда, поэтому он не придает значения переживаниям Симоны. Кстати, и сама она ни за что не хотела появиться перед папой в образе мокрой курицы. После недавней-то победы. Предстать перед ним униженной и оскорбленной? Ни за что! Нет, сейчас лучше побыть одной, без папы. Да и время еще детское – сумерки только-только спустились на город, улицы кишат людьми. Что-что, а прогулка по городу ей не помешает. И подольше бы погуляла, если бы только не одна неприятность – новые туфли. Оказалось, что они жмут.

Чем ближе Симона приближалась к дому, тем больше соглашалась с внутренним голосом. А он нашептывал, что зависть – удел слабых и никчемных людей, которые ни на что полезное не способны. У Симоны талант, она прекрасная гимнастка, и скоро все будут гордиться, что знакомы с ней – высокотехничной и красивой гимнасткой. Когда Симона работает, то слышит, как замирает зал. Она долго готовила программу с тренером и хореографом, и программа получилась потрясающая, поражающая разнообразием пластики. Каждое ее выступление – маленькая миниатюра, насыщенная сложнейшими трюками, в которых успешно соедини-

лись спорт и настоящий балет. Это результат огромного и каждодневного труда. У нее не было детства, только работа с ранних лет. Когда обычные девочки идут домой и занимаются всем, чем пожелают, Симона едет на тренировки, а после, когда все сидят у телевизоров или уже спят, делает уроки. Один папа понимает, как тяжело дочери достаются победы, поэтому он не считает для себя зазорным гладить ее вещи. Хорошо хоть машина стирает и отжимает сама, а то Симоне было бы совсем стыдно.

Постепенно негодование и обида отдалялись, так как на первый план вышла заурядная физическая боль. Туфли, купленные в день соревнований, чуть не до крови натерли пятки. Симона слишком увлеклась в магазине, там ей показалось, что туфли приходятся впору, а они малы! Проходив в них целый день, она просто мечтала поскорей сбросить эти тиски. Ей осталось-то всего ничего дойти до дома. Не звонить же папе: приезжай, не могу дойти! Впрочем, можно сократить путь, если пройти через стройку. Это не такой уж и большой участок, да и не темно еще, а вокруг стройки люди.

Девушка остановилась. Снимая по очереди туфельки, она сжимала и разжимала пальцы на ногах, восстанавливая кровообращение. Мозоли она набила жуткие, завтра достанется от тренера, когда та увидит, во что Симона превратила свои ноги. Ну нет, она в раздевалке замаскирует мозоли и будет терпеть, но не допустит, чтобы тренер ругала ее. Симона вырвала из блокнота листочки, скомкала их в плотные комки и

положила под пятки. Таким образом мозоли оказались выше краев обуви. Симона выпрямилась и разглядывала стройку, застывшую в сумерках, заодно высматривала дорогу, по которой перейдет жутковатое место, сокращающее путь к дому.

Долгострой занимает не очень большое пространство. Груды щебня, песка, обломков бетонных плит, брошенные корыта с застывшим раствором, ржавые бочки в потеках смолы, мусор – вот картина, которая бросается в глаза днем. Сумерки же скрасили неприглядный пейзаж, тем не менее он не казался привлекательным. Сто раз Симона пересекала покинутую стройку, хотя папа запрещал это делать даже днем, но именно сегодня у девочки странно сжалось сердце при виде многоэтажных домов с черными проемами окон и входов. Как будто кто-то подтолкнул ее в спину, и она пошла не в обход, а напрямую через стройку, хотя внутренний голос все же попытался удержать ее: не ходи. Но он был такой робкий, а ноги просто отваливались. И Симона заглушила его убедительным аргументом: еще довольно рано, стройку она пробежит за считанные минуты. Девушка ускорила шаг, огибая груды и перепрыгивая ямки...

Он возник сразу. За кучей кирпичей у входа в подъезд недостроенного дома на бетонной стене отчетливо обозначилась мужская фигура...

Им на стол принесли вино и закуски. Эмиль наполнил бокалы, поднял тост за Оленьку. Они выпили, после чего Эмиль продолжил начатый разговор:

– Симона категорически запретила мне караулить ее. И сегодня тоже. Хотя меня так и подмывает поехать и ее встретить. Я сдерживаю себя. Ведь Симона взрослая, надо давать ей немного свободы, верно?

– Разумеется, – согласилась Оленька, улыбаясь. – Иначе вырастите тепличное растение, не приспособленное к жизни.

– Знаю, – усмехнулся Эмиль с неподдельной досадой на себя. – Видел. Мои друзья уже вырастили такого домашнего монстра, которого будут, кажется, содержать до пенсии. Понимать – понимаю, а ничего не могу с собой поделать. Вот уж правильно говорят: маленькие дети – маленькие заботы, большие дети – и заботы выросли. Мне постоянно мерещится, что мою девочку хотят обидеть. Ладно, не будем на эту тему долго распространяться. А у вас тоже замечательное имя – Ольга. Носительница этого имени должна быть сильной личностью. Помните из истории про знаменитую княгиню Ольгу?

– Не помню, – созналась она.

– О! Это восхитительный образ. Кстати, если учесть, что

женщина на Руси всегда была бесправной, то княгиня Ольга – весьма показательный пример именно русской женщины, которая ось земную сдвинет, если понадобится.

– Заинтриговали. И чем же она так восхищает вас?

– Ну, слушайте. Муж Ольги Игорь правил в Киеве. Не тот, который разбил половцев, наш Игорь жил раньше. И пошел он в поход собирать дань с древлян. Собрал. А был он жестоким человеком. Мало ему показалось. Берет он часть дружины и назад к древлянам, дескать, еще дайте. Древляне собирают совет и решают, что легче Игоря убить, чем платить. И убили его вместе с дружиной. Лишив киевлян главы, древляне возомнили себя непобедимыми и отправились на ладье по реке сватать жену Игоря за своего князя Мала. Княгиня Ольга приняла послов уважительно, согласилась выйти замуж. А ночью велела вырыть на дворе княжеского дома огромную яму. Утром с великими почестями киевляне понесли ладью с послами на двор княгини, а там сбросили в яму и зарыли древлян живьем. После этого Ольга отправила гонца к древлянам с просьбой прислать лучших мужей в Киев забрать ее: мол, киевляне не отпускают. Те прислали. Она их в баньку отвела помыться с дороги, а потом велела всех сжечь. После Ольга отправилась к древлянам с дружиной, оплакала мужа на могиле и попросила древлян устроить тризну по мужу, а потом сказала, что выйдет замуж за их князя. Ну, те спросили: «А где послы наши?» А она: едут, мол, за мной. Древляне напились хмельного свадебного меда

и повалились пьяные, а дружина Ольги посекала пять тысяч врагов. В те времена это огромное количество людей.

– Какой ужас! – вставила Оленька.

– Сменив женское платье на мужские доспехи, отправилась Ольга в поход на древлян, покорила их города, а главный город все лето держала в осаде. Наконец ей это надоело, она схитрила. «С голоду, – говорит, – хотите умереть?» А те отвечают: «Мы рады бы дань платить, но ты же мстишь за мужа». Она им и говорит: «Я уже отомстила, а поскольку взять с вас нечего, принесите только от каждого дома по три голубя и три воробья». Те обрадовались, отловили по домам птиц и притащили Ольге. А княгиня велела к каждому голубю и воробью привязать трут, и ночью, подпалив его, отпустить птиц. Полетели они в свои гнезда и на голубятни, и вскоре город пылал в огне. Люди побежали из города, а Ольга приказала хватать их. Город же сожгла дотла.

– Простите, но эта Ольга была просто чудовищем. За смерть одного человека, к тому же тирана, она истребила тысячи людей. Чем тут восхищаться?

– По тем временам она совершила подвиг. Княгиню Ольгу можно назвать первой женщиной-феминисткой. Во-первых, отомстила за смерть мужа. Во-вторых, взяла в руки оружие и возглавила войско, проявив талант стратега и тактика. В-третьих, отстаивала право собственной свободы, не выйдя замуж за князя Мала. В-четвертых, после Игоря она занялась делами княжества. Потом византийский цесарь хотел

жениться на ней, но она и его провела – приняла от него крещение, стала первой русской христианкой. Цесарь при крещении назвал ее дочерью. А разве дочь может выйти замуж за отца? Так отвечала Ольга и сохранила верность мужу.

– Интересно, а Игорь изменял ей? – затронула болезную тему Оленька.

– Думаю, да. Для мужчины в те времена связь на стороне была нормой, внебрачные дети толпами гуляли по княжескому двору. Тем не менее именно Ольга причислена к лику святых, и ее мужа упоминают, только когда идет речь о ней. А в вас, носящей то же имя, живет бунтарский дух княгини Ольги, ее сила и воля?

– Далеко не всегда, к сожалению.

– Тогда у вас есть перспектива роста. В одном я уверен: вы, как и та русская княгиня, красивая женщина. В летописях пишут, Ольга была очень красивой.

Она задумалась: на самом ли деле это так? Раньше Оленька не заостряла внимание на собственной персоне. Из женских хитростей знала несколько правил, позволяющих женщине выглядеть со знаком плюс. Правила простые, как сам мир: одеваться аккуратно, уметь пользоваться косметикой, ухаживать за волосами, ногтями и кожей, чтобы не попасть в разряд нерях. И Оленька выполняла эти правила, которые не считала обременительными.

До сих пор никто ей не говорил, что она красивая. Никто не называл женщиной. Хотя, пожалуй, из возраста девушки

она уже действительно выросла. А насчет красоты... Интересно, Эмиль преувеличивает или сознательно лжет, добиваясь определенных целей? По правде говоря, он смахивает на профессионального соблазнителя.

Только вдруг Оленька обнаружила, что безумно хочет слыть красавицей. Наверняка красавицам не изменяют любимые, им живется проще, нежели серому большинству, и на дорогах, по которым они царственно ступают перед ними, поднимаются все шлагбаумы. Да, хочется быть красивой! Стоит внимательно к себе присмотреться, вдруг и правда у нее есть шанс переделать себя в красавицу. Тогда Виталька миллион раз пожалеет...

– Оленька, вы меня слышите? – вернул ее к действительности Эмиль.

– Д-да... – рассеянно промямлила она, смутившись, что позволила себе отвлечься. – Извините... случается, я задумываюсь...

– У вас много проблем? – спросил он, вновь разливая вино по бокалам.

– Проблемы? Да... есть... но это неинтересно.

– У вас было выражение, как у моей дочери, когда она о чем-то страстно мечтает. Я вдруг увидел совсем другую Оленьку...

– Какую? – испугалась она.

– Беззащитную в своей наивности девочку. А потом, вернувшись из мечтаний, вы снова надели маску взрослой и

неприступной женщины.

– Неужели? – неприятно поразила Оленька пронизательности этого человека. – Если вы ясновидящий, проблемы должны преследовать и вас. Думаю, человеку трудно жить, когда он все знает.

– Проблемы? У кого их не бывает?! – весело воскликнул Эмиль. – Но человек тем и интересен, что его способность преодолевать трудности приравнивается к высшей силе, которая над нами. В этом-то и есть схожесть человека с богом, потому что сложную ситуацию он может преодолеть. И выбор притом у него всегда ограниченный: или – или. Падешь духом и пойдешь на поводу у ситуации, тогда ты сломаешься, незаметно придешь к деградации, затем окончательно опустишься. Мир будешь рассматривать в черных тонах, превратишься в занудного брюзгу, который только и делает, что копошится в мелочах, как червяк в навозе. Но есть и второй вариант. Ты поднимаешься над ситуацией, значит, побеждаешь себя. Это путь трудный, но результаты его неожиданные и великолепные. Судите сами, Оленька: допустим, вы перестали верить... Ну, во что, к примеру?

– В человеческую порядочность, – без труда подсказала Оленька.

– Подходит, – согласился он. – Порядочность вмещает в себя многие аспекты. Как правило, люди, столкнувшись с предательством, перестают верить в любовь, дружбу, честные партнерские отношения. Все эти понятия, на ваш

взгляд, входят в определение порядочности, так?

Кивнув головой, Оленька согласилась.

– Думать одинаково обо всех – это и значит склониться под бременем обстоятельств. Так проще, потому что не требует от человека духовных затрат. Он сдается, и все. Далее рассчитывает на жалость окружающих, спекулирует несчастным положением, а то и попросту начинает пить. При всем при том он не чувствует своей вины, а ищет виноватых вокруг. Но если он собирает волю и не уступает обстоятельствам, если заставляет себя жить, даже когда не хочется, тогда-то и побеждает дух. Это трудная работа. В такой момент человек сам удивляется себе, что устоял. И однажды он понимает, оглядевшись вокруг, что та ситуация, которая едва не стоила ему жизни, яйца выеденного не стоит. В мире есть масса занимательного, каждый день вносит новизну, стоит только оглянуться и увидеть. И тогда отчаявшийся вчера человек сегодня начинает любить жизнь, людей – даже сварливых соседей! Проникается уважением к себе. Поверьте, жить с уважением к своей особе тоже неплохо.

– Вам приходилось делать подобный выбор?

– Каждому человеку приходится делать такой выбор не раз. Когда меня бросила жена...

– Вас? – вытаращила глаза Оленька. – Вас... бросила... жена?

– Что вас так удивляет? Это сейчас распространенное явление. Женщины часто завышают самооценку. Им кажется,

что семья превратила их в рабынь, затоптала их карьеру и так далее. А когда еще и муж не удовлетворяет их материальные запросы, они считают – лучше его бросить. Так было со мной. Но мне повезло – моя жена бросила и дочь. Я очутился перед жутким выбором. За Симоной нужен был постоянный глаз, а мне нужно было работать, ведь моя зарплата не позволяла нанять женщину, которая присматривала бы за девочкой. Тогда я бросил любимую работу, занялся челночным бизнесом, влез в долги. Трудно было. Знаете, пришлось и в мозгах переместить акценты, но я справился. Вскоре нанял гувернантку, смог обеспечивать дочь всем необходимым. И представьте, сейчас я даже благодарен жене, не питаю к ней неприязни. Если бы она не бросила меня, я бы так и корпел над диссертациями по истории, которые сейчас никому не нужны. Видите, древнюю теорию я опробовал на себе.

– Вы верующий? – в лоб спросила Оленька.

В ответ услышала раскатистый хохот, а потом:

– Да разве в этом дело? Думаю, девяносто девять процентов хотя бы раз в жизни говорили: «Господи, помоги». Все придумано не мною, давным-давно. Так или иначе, вы слышали эти же мысли, пусть выраженные другими словами. Что-то мы разговорились... Давайте вернемся к хлебу насущному, поедим и выпьем.

– Давайте! – Оленька улыбнулась искренне. Ей уже не пришлось натягивать на лицо улыбку, потому что ей нравил-

ся этот человек.

* * *

Симона замедлила шаг, присматриваясь к таинственной тени, которая словно манила ее к себе. Да, именно так. Нечто притягательное и пугающее исходило от застывшей у стены фигуры, словно она гипнотизировала девушку. Симона вдруг моргнула и... потеряла тень из виду! И ей показалось, что никакой мужской фигуры и не было. Что одно только ее воображение будоражит мозг. Воображение, вызванное сумерками, безлюдным местом, зияющими черными дырами окон на стенах домов. Наверное, она приняла за человека тень от столба, упавшую на стену. И Симона не помчалась пулей обратно, а, подчиняясь непонятной силе, толкавшей ее вперед, зашагала дальше, с опаской косясь на то место, где, как ей почудилось, стоял человек.

Но когда она поравнялась с подъездом, увидела тень снова. Та отделилась от стены, и теперь уже явственно обозначилась фигура мужчины. Сердце Симоны забилося учащенно: не показалось! Тогда-то и запульсировало в висках: беги! Симона сорвалась и побежала...

Не раз она пересекала стройку. Случалось ей и ночью здесь проходить, когда папа уезжал. Но никогда еще девушке не было так страшно, так тяжело бежать, хотя она забыла о мозолях на ногах. За стройкой в это время по бульвару гуля-

ет много людей, тем более в теплую погоду. А за бульваром дом, в котором живет Симона. Это рядом! Но так далеко... Далекое, потому что все сейчас происходило как во сне: тело стремится вперед, а ноги переступают все медленней и медленней. И вина в том не узкой и короткой юбки, не тесных туфель, не высоких каблуков. Мышцы выше колен обмякли, не хотели поднимать ноги. Наверное, от страха, какого Симона не испытывала никогда... Нет, однажды испытала. Когда мама уехала навсегда. Одиноко и горько стало тогда Симоне от сознания, что ее бросила мама, и мир потух. Все вокруг стало темным, мрачным, страшным. Маленькая девочка много плакала, а потом и вовсе заболела. Только папа неотлучно находился с ней, брал девочку на руки. Симона засыпала, прижавшись к нему и сжимая его указательный палец в кулачке. С папой было тепло, спокойно и надежно. Он спас ее от страха... Папа... Как он сейчас необходим!

Все это пронеслось в головке Симоны за то время, пока она убегала от тени, – так безнадежно долго длился ее путь, хотя она и немного продвинулась вперед. Быстро сгущались сумерки, превращаясь в темноту. Симона уже плохо различала дорогу, взбегала на бугорки, вязла каблуками в песке.

Он бежал гораздо быстрее. Перепрыгивал препятствия с ловкостью обезьяны, стремительно перелетал через груды щебня и кирпича, словно за спиной имел крылья.

Ну вон же она – проезжая дорога, до нее десятков метров. Симона вскрикнула от радости и оглянулась...

Ликование от того, что она оторвалась от преследования, мгновенно сменилось ужасом. Человек не схватил девушку, догнав на границе стройки, нет. Он просто обогнал Симону, став на ее пути. Остановился близко, очень близко – на расстоянии вытянутой руки. Симона поняла, что домой он ее не пустит. Что он опасен, она поняла значительно раньше и теперь, стоя перед ним, сжималась от безотчетного страха. Она даже не догадывалась, чем грозит ей встреча с ним, лишь где-то в затылке засел ужас. С затылка ужас струился по шее, плечам, груди, животу и ногам. Он обволакивал, отчего девушка потеряла способность двигаться, только сухие губы произнесли чужим голосом:

– Кто вы?! Что вам нужно?!

Он ничего не сказал в ответ. Он молчал. Это было еще страшнее, чем если бы он что-то ответил на ее вопросы. От его молчания у Симоны пробежали мурашки по спине. Было бы куда проще, если бы он заговорил с ней. Но ему не нужно разговаривать, не о чем. Симона не видела его лица, закрытого темнотой, но чувствовала, что смотрит он на нее. Не просто смотрит, дробит на мелкие части.

Сверкнув фарами, по дороге проехал автомобиль. Свет слабо скользнул по правой стороне лица человека перед ней. Симона не рассмотрела черты, зато разглядела его глаз. Один. Внутри ее все сжалось, перевернулось, так как глаз находился в равнодушном покое. Сразу стало ясно, что она встретилась с жестоким зверем, похожим на человека лишь

внешне, и зверь жаждет терзать ее, рвать на куски до тех пор, пока она не испустит дух.

Инстинкт жизни подтолкнул Симону бежать. Но, плохо соображая, она кинулась не вперед – к проезжей дороге, где люди, а назад, в глубь стройки. Слыша топот ног и тяжелое дыхание за спиной, видя только стены, горки, свалки, Симона поняла, какую роковую допустила ошибку. И тогда стройку огласил пронзительный крик:

– Папа!!! Папа!!!

А человек-тень, человек-зверь практически догнал девушку. Заслышав ее крик, он поднял с земли большой кусок, отвалившийся от бетонной плиты. Быстро настигнув жертву, с ревом бросил в нее этот кусок бетона. Попал в спину. Хрупкая Симона взмахнула руками и упала ничком, коротко вскрикнув. Он подошел к ней, постоял с минуту над телом, Симона не шевельнулась. Перевернув на спину, он за руку потащил ее к дому. Девушка оказалась легкой, сопротивления не оказывала. Он поднял ее и внес в недостроенный дом. Держа Симону на руках, он выбирал, куда поставить ногу, чтобы случайно не споткнуться и не упасть... Он действовал неторопливо, размеренно и спокойно...

* * *

– Я развеял вашу грусть? – спросил Эмиль, остановив машину у служебного входа больницы.

Она опасливо повернула к нему лицо. Ее новый знакомый положил локоть на руль, вторую руку забросил на спинку сиденья, на котором сидела она. «Сейчас полезет целоваться», – с досадой подумала Оленька. А ведь как замечательно они провели время... Она забыла о Виталике и том кошмаре, какой неожиданно обрушился на нее.

Из ресторана они ушли рано – Эмилю нужно было домой, ведь скоро дочка придет из гостей. Признаться, Оленька пожалела, что вечер окончился так скоро. И тут нечаянная пауза, красноречивая и многообещающая... В конце концов, наверное, Эмиль пригласил ее в ресторан вовсе не потому, что хотел развеять ее грусть, а потому, что она нравится ему и хочет он от нее кое-чего другого. Об этом она не подумала, давая согласие на ужин. Безусловно, приятно, когда импозантный мужчина галантно ухаживает за тобой, безусловно, Оленьке нужен друг, но... чуточку преждевременно это случилось, она не готова к переменам.

– Вы не только развеяли грусть, – произнесла Оленька, – но и многое мне открыли сегодня. Я вам очень благодарна.

Тон применила немного официозный, но подобный тон создает дистанцию. Эмиль должен догадаться, что Оленька не позволит их отношениям так скоротечно перерасти в «сильно теплые».

А он достал из кармана визитную карточку и сказал просто:

– Чуть не забыл, здесь все мои телефоны. Я собираюсь

уехать на несколько дней, а потом вы не откажетесь снова встретиться со мной?

– Конечно, – улыбнулась Оленька, радуясь, что сегодня он не полезет целоваться. – До свидания, Эмиль.

И он поцеловал ее руку. Уже стоя у входа в больницу, Оленька оглянулась и помахала ему, когда Эмиль развернул автомобиль и медленно проезжал мимо.

Неторопливо поднимаясь по лестнице, она вновь вернулась на землю. Надо сказать, этот вечер, проведенный в компании достойного человека, наложил на нее благотворный отпечаток – о Виталике и его подлой измене Оленька думала уже более спокойно. Или так подействовало выпитое вино? Впрочем, Оленька пила немного. Скорее, на нее подействовал Эмиль. Поразительно, что его бросила жена... А он не только не лишен внешней притягательности, но и образованный, умный, обходительный. С ним рядом почему-то появляется чувство защищенности...

– У тебя сегодня дежурство? – раздался сверху голос Виталика.

* * *

Совсем стемнело. Двое ребят, разгуливая по городу, пили пиво, закусывая чипсами, балагурили, излишне громко смеялись и по этой причине обращали на себя внимание прохожих. Эпатирующее поведение парней предназначалось

не для посторонних, а для смазливой и глазастой девчонки, вышагивающей между парнями. Она кокетничала с обоими одинаково, очевидно, ей не удавалось остановить выбор ни на одном из ребят. Поскольку сейчас парни провожали юную кокетку домой, то намеренно тянули время, следовательно, удлинляли дорогу, отвлекая девушку разговорами о разных разностях. Но она четко знала, какой дорогой идти, поэтому предложила:

– Идем прямо?

– Через стройку? – недовольно протянул высокий парень. – Там же темно.

– Боишься, Павлик? – надменно вздернула подбородок девушка. – А я всегда только через стройку хожу домой, так в три раза короче.

– Смотри, как бы этот путь не оказался самым коротким... на тот свет, – грубо пошутил Павлик и рассмеялся.

– Фу, дурацкие у тебя шутки! – оттолкнула его девушка. – Сколько ходила, ничего не случилось. К тому же нас трое.

– А куда ты торопишься? – спросил второй паренек по имени Лешка. – Время детское. Пошли в обход, заодно прогуляемся. Я такой прикол расскажу...

– Ладно, – сдалась девушка.

Ей было приятно в компании ребят, нравились их приемы ухаживания, и расставаться с ними так рано не хотелось. И веселая тройца побрела вдоль стройки по протоптанной дорожке...

Именно сейчас видеть Виталика не было у Оленьки желания. А разговаривать с ним тем более.

– Да, – сухо ответила она, поднявшись на площадку перед своим отделением. – У меня дежурство. Еще будут вопросы?

Оленька взялась за ручку двери, но Виталик схватил ее за свободную руку:

– Постой. Что за номера ты устраиваешь?

Ничего себе – тон разгневанного мужа! Вот теперь ее заинтересовал его напор, негодование в голосе, даже власть. Оленька повернулась к мужу, удивленно вскинув брови:

– Не поняла. На что ты намекаешь?

– На твое поведение. Ты выставляешь себя на посмешище. А заодно и меня. Не успела между нами произойти размолвка, как ты быстренько нашла мне замену.

– Ты называешь размолвкой то, что я застала тебя с любовницей? – спокойно спросила Оленька. И у нее снова перехватило горло от боли. Чтобы муж не увидел слез, готовых выкатиться из ее глаз, она начала нервно ходить по площадке от стены к стене. – Не смей предъявлять мне претензии! С твоей стороны это лицемерие и цинизм. Лучше расстаться по-человечески, а не врагами, ведь нам придется работать вместе.

– Вдумайся, что ты несешь! – разозлился Виталик. – О твой баул все отделение спотыкается. Тебе негде жить, так какого черта ты устроила спектакль? Наказать меня хотела? Наказала. Я раскаиваюсь. Может, на этом ставим точку?

– Конечно, – согласилась Оленька, уже забавляясь яростью мужа. – Виталик, чтобы сидеть на двух стульях, нужно иметь ба-альшую задницу. Ты не усидел, но утешительниц всегда найдешь. А меня оставь в покое.

– А ты не задумалась, почему мужиков тянет на сторону? – взбесился он. – Они не получают в постели от жены то, что им нужно. Вспомни, когда я тебя ласкал, ты смеялась. Тебе, видите ли, щекотно...

– Значит, плохо ласкал, – отбрила она, заходя в отделение.

– Ты превратишься в шлюху, – ударил он ее фразой.

– Отлично. Таким образом я восполню пробелы в своем сексуальном образовании, – усмехнулась она и закрыла за собой дверь.

Виталик не рискнул ни догнать ее и продолжить выяснять отношения, ни крикнуть какую-нибудь гадость вдогонку. Оленьку удивляла, если не сказать больше, его маниакальная настырность, желание вернуть все на прежнее место. А она рада бы забыть измену, да не может. Стоило ей вспомнить те скачки на диване в ординаторской, как у Оленьки рождалась настоящая потребность схватить первый попавшийся предмет и отколошматить Витальку, причинить ему увечья, чтобы ни одна тварь не вздумала спать с ним. И не

просто ей дался сегодняшний разговор с ним – ее бравада напускная, за ней стояло элементарное женское самолюбие, оскорбленное в лучших чувствах, из которого проросли уже довольно крупные ростки ненависти. А если ко всему прочему прибавить, что она продолжала еще любить мужа, получался совершенно дикий коктейль.

Оленька в полном изнеможении плюхнулась на стул на посту дежурной медсестры, которой не оказалось, к счастью, на месте. Плюхнулась и горько усмехнулась. Если бы минуту назад она не разговаривала с мужем, то, увидев «дежурку» пустой, подумала бы, что он и дежурная медсестра сейчас на том самом диване... И помчалась бы искать их, по пути выбирая предмет, способный стать орудием ее мести... Так будет всю жизнь, всю жизнь ее будут терзать подозрения, если она простит Витальку и вернется к нему.

– Ты этого хочешь? – спросила саму себя Оленька и тут же ответила: – Нет. Значит, точка.

– Оленька, – подошла медсестра Альбина, – а тебя сегодня спрашивал молодой человек. Внешне просто отпад – волосы волнами аж на плечи ложатся, светлый шатен, высокий, красивый. Настоящий плейбой. Я как увидела – дар речи потеряла.

– А что ему было нужно? – без интереса осведомилась Оленька.

– Не сказал. Только спросил, где тебя найти. Но ты же сейчас здесь обитаешь... – И многозначительная, выжидатель-

ная пауза застряла между Оленькой и Альбиной. Наверное, Альбина ждала от Оленьки «момента истины». Ночь, тишина, времени до утра полно. Чем заняться на дежурстве? Поплакаться друг другу в жилетку и полить мужиков всеми известными словосочетаниями. Но Оленька зевнула в ответ, давая понять, что до смерти хочет спать, и Альбина закончила: – Я сказала, что тебя можно найти только в больнице. Он обещал, что придет завтра. Кто он?

– У меня нет знакомых с волосами до плеч, – рассеянно проговорила Оленька.

– Ты уверена? – спросила Альбина подозрительно-ехидным тоном.

– Не уверена, – буркнула та, намеренно подавая повод к сплетням.

Так вот почему Виталик позволил себе «предсказать», кем станет Оленька. Он знает, что к ней приходил молодой человек, видел, как села Оленька в машину к другому мужчине. Очень хорошо, пусть и Виталька прочувствует, каково носить рога. Уходя, она бросила Альбине:

– Если понадобится помощь, буди.

* * *

Он ждал. В полной темноте, когда вроде бы невозможно различить ни один предмет, он видел неплохо. И дело не в электрическом свете, доходившем сюда слабым отсветом че-

рез пустые окна, – его было мало, настолько мало, что обычный человек не смог бы рассмотреть даже дверной проем. Подобное зрение, которое можно назвать феноменальным, его самого удивляло, но оно у него было именно таким. Его зоркие глаза различали строительный хаос внутри этой квартиры на втором этаже, окна без рам и стекол, подгнившие доски в углу, кирпичи, горки мусора вперемешку с песком. Он все видел, все слышал. Природа в него вложила исключительные способности, природа обострила все органы, ибо он еще и отлично чувствовал запахи, осязал и мог предугадывать события. Такова его природа – вбирать в себя окружающий мир, делать из него отбор и забирать, что попадет на пути, по праву сильного.

Он ждал без суеты и нервозных вздрагиваний от малейшего шума. Не вскакивал с места и не ходил в нетерпении туда-сюда, не мял руки, словно кровь в них застоялась. Он ждал, сидя на кирпичках без движения и устремив взгляд на девушку, лежавшую на грязном полу. Время от времени он лениво поворачивал голову на звуки, доносившиеся снаружи, но вскоре возвращался в прежнюю позу, замирал. В такой момент он становился неживым, как будто мумифицировался. Постороннему могло бы даже показаться, что он не дышит. Но он дышал. Короткие неслышные вдохи как раз и выдавали его нетерпение, потому что протекало время, а девчонка не приходила в себя. Он не мог понять, почему она потеряла сознание, хотя считал, что понимает и знает

все. Испугалась настолько, что упала в обморок? Тогда это поправимо, она очнется, и он начнет запланированную игру, которая, конечно же, кончится в его пользу. Несмотря на известный только ему исход игры, он ждал ее, проглатывая сладкий комочек. А если виноват кусок бетона, который он бросил в нее?

– Ммм... – застонала Симона.

Он бесшумно взлетел с груды кирпичей, стал на колени и склонился над девушкой. Он четко видел белки ее глаз, значит, она водила ими, кажется, она не помнит, что с ней случилось, не понимает, где находится. И главное! Главное – она не видит его. А должна видеть, иначе все теряет смысл. Он зашарил по карманам.

– Кто здесь? – испуганно прошептала Симона. – Папа?

Он не ответил, щелкнул зажигалкой и осветил себя.

Симона рассматривала незнакомца, на лицо которого в беспорядке падали длинные пряди волос. Она ясно видела капли пота на его лбу. Значит, ему жарко. А ей было холодно. «Кто это?» – мелькнуло в тяжелой голове Симоны. С этим человеком она не знакома. Может, он поклонник ее таланта? Но почему они здесь? И где конкретно они находятся? Девушку разволновало молчание незнакомца и его взгляд голодного пса. К тому же он слишком приблизил к ней лицо, обдавая горячим дыханием, что было неприятно. И темнота... Почему так темно?

Незнакомец догадался, что девушка уже видит его. Теперь

следовало расшевелить ее. Он повернул в зажигалке клапан, поставил ее на кирпич рядом с головой девушки, прилег на грязный пол, всем телом касаясь тела девушки, и снова уставился на Симону, рассматривая ее черты. Огонек зажигалки вздрагивал, очевидно, от сквозняка. Тени пробежали по лицу незнакомца, а в его зрачках веселился адский огонь, повергавший Симону в трепет. На минутку она закрыла глаза, надеясь, что, когда их откроет, этого странного человека рядом с ней не будет. Но, открыв глаза, вновь увидела его. Вот губы, нос, рот... И все так близко. Ни один мужчина, кроме папы, не приближался лицом к лицу так близко. Это пугало. Незнакомец понял, что творилось в душе девушки, поэтому улыбнулся. Он улыбнулся половиной рта, вторая половина осталась в покое, будто две части лица принадлежали разным людям.

Наконец до сознания Симоны дошло, что она должна бояться этого человека и немедленно убежать от него. Девушка пошевелилась, однако вскочить и пуститься наутек у нее не получилось. Она просто-напросто не чувствовала ног. А спину ощущала – в спину врезались мелкие камешки, причиняя боль и неудобство. У Симоны задрожал подбородок, она набрала полную грудь воздуха, намереваясь закричать, закричать громко, как только может. Рука незнакомца опередила ее, плотно прижалась ко рту девушки. От ужаса Симона вытаращила глаза и бессвязно замычала.

Он достал нож. Большой и блестящий. Нож отражал сла-

бое пламя зажигалки. Незнакомец повертел ножом перед глазами Симоны, показывая его со всех сторон, затем кончиком лезвия коснулся щеки. Симона задрожала, как дрожат на морозе, и перестала мычать, широко раскрыв глаза от ужаса. Она поняла его – мычать нельзя, кричать тоже. Он ослабил кисть руки, сжимавшую рот девушки, затем вовсе убрал руку. Симона не стала терять зря времени и закричала. Закричала так, как только смогла, надрывая голосовые связки. Она надеялась, что ее услышат...

* * *

Ребят испугнул крик, донесшийся из глубины стройки и резко оборвавшийся. Все трое остановились, всматриваясь в темные силуэты домов, и ждали. Короткий крик пробрал всех троих – двух парней и девушку – до костей, даже волосы зашевелились, а кожа покрылась мурашками. В глубине стройки кому-то очень страшно и плохо, крик звал на помощь.

– Кричала женщина, – сказал Павлик.

– Хм, – настороженно хмыкнул Лешка, взглядываясь в стройку. Что кричала женщина, и так понятно. – А вот где она?

– Ой, ребята, пошли отсюда, а? – занервничала Лялька.

Парни ждали еще хоть какого-нибудь шума, чтобы определить точно, где находится кричавшая женщина. Но с за-

брошенной стройки наплывала угнетающая тишина. Лялька все ближе жалась к Павлику. Тем временем Лешка нашел увесистую сухую ветку, обломал лишние сучки, бормоча:

– Что, страшно, Лялька? А кто недавно был самый храбрый? Идем, Пашка?

– Куда? Куда вы собрались идти? – удержала его за руку Лялька.

– Туда, – кивнул в сторону стройки Лешка. – А ты сбегай и позвони.

– Куда? – испугалась Лялька.

– Никуда бегать не надо. А звонить – в милицию, – произнес Павлик и сунул ей в руку сотовый телефон. – Смотри, осторожно. Я все лето пахал, как папа Карло, чтобы купить мобилу. Идем, Лешка, проверим, кто там кричит так жутко.

– Мальчики, не ходите, я боюсь, – захныкала девушка.

– Нас же двое, – откликнулся Лешка, погружаясь в темноту.

– Звони в ментовку! – крикнул Павлик, следуя за приятелем. – И за нами не ходи, жди ментов здесь, поняла?

Лялька тыкала пальцем в сотовый телефон, плохо попадая на кнопки и почти не глядя в него. Она старалась не выпустить ребят из виду, но через минуту они полностью растворились в темноте...

Теперь он сжимал не только рот Симоны, но и скулы. Сжимал больно, навалившись на девушку всем телом. И в зрачках его не плясало прежнего веселья. Тонкие губы сжались от напряжения, а возможно, от негодования, уголки губ опустились вниз. Он думал и думал, какую назначить казнь девчонке, так подло обманувшей его.

Симона дрожала всем телом, как осиновый лист. Сначала из одного ее глаза выползла крупная слеза, задержалась в уголке, раздумывая, куда скатиться, потом мгновенно слетела вниз. Из второго уголка слеза выкатилась без задержек, следом еще. Больше всего ее пугало молчание незнакомца – он не произнес ни единого слова, и она не представляла, какой у него голос. А оттого, что он молчал, становилось непередаваемо страшно. Это был тот страх, который появляется от сознания безысходности, когда силы неравные, а противник отличается беспощадностью.

То, что человек из темноты задумал убить ее, Симона поняла. Но не верила, что это возможно. Так не бывает – все хорошо, за исключением мелких неприятностей, и вдруг появляется какой-то незнакомец, которого она никогда не видела, и... И все? Неужели от него не спастись? Она умоляла его без слов, одним мычанием, но он больше не разжимал ладонь, а дробил ее ледяными глазами. Девушка догадалась:

он не просто задумал убить ее, а хочет терзать, чтобы она страдала от боли и его ненависти. Но почему, за что он ее ненавидит?

Внезапно они оба напряглись. И Симона, и ее мучитель слышали звуки. Где-то внизу были люди. Мигом он дунул на зажигалку, огонек погас...

* * *

Ребята по очереди вбегали в подъезды серединного дома, прислушивались, но, не слыша вообще никаких звуков или шумов, выбегали на улицу и неслись к следующему подъезду. У Павлика нашлась зажигалка, так как он курит, а Лешка занимается спортом и из вредных привычек разрешает себе только пиво. Вбегая в подъезд, Павлик щелкал зажигалкой, поднимал над головой и разглядывал место. Иногда опасно поднимался вверх и осматривал второй этаж. Дверные проемы квартир выглядели удручающе, будто где-то внутри притаилось нечто неведомое, страшное, которое готовится вот-вот выскочить.

Учитывая, что именно из этого дома, как ребята сообразили, зайдя на стройку, несколькими минутами ранее донесся душераздирающий крик, Павлик проглатывал подкатывавший комок из неопределенности и тревоги. Но комок все равно застревал под кадыком, пульсировал там, затем снова перекрывал горло. Именно неизвестность тревожила, натя-

гивала нервы до предельной степени, когда достаточно мизерного повода, чтобы дернуть отсюда наперегонки с Лешкой. Только Лешка не дернет, посему и Павлику не хотелось ударить в грязь лицом и выглядеть перед приятелем трусом.

Лешка неотступно следовал за Павликом и был более осторожен, что выражалось в бесшумности его поступи. Не слышалось и его дыхания. На Лешку, кажется, гораздо меньше действовала окружающая среда. Залетая в подъезды, он отнюдь не был поглощен собственными страхами. Лешка с детства занимался китайской борьбой и был в себе уверен. Китайская борьба – не одни только упражнения на ловкость и отработка ударов. Это умение проникнуть в душу соперника, умение концентрировать волю, мысли и энергию, настраиваться на определение слабых сторон противника, что и ведет к победе. Поэтому Лешка чутко слушал тишину. Именно она сейчас была его противником, так как таила в себе неизвестность и опасность. Он прощупывал ее нервами, а из подъездов уходил после Павлика.

Так они забежали в подъезд, где на втором этаже лежала Симона, вдавленная в усыпанный строительным мусором пол телом незнакомца. Лешка сконцентрировался на солнечном сплетении, затем пустил волну по пространству подъезда. Ему еще не приходилось на деле использовать «определитель», как его учили на занятиях, но он все же надеялся, что поток его энергии столкнется с энергией людей, если они есть в этом подъезде, надеялся, что он уловит отзвук этого

столкновения. И вдруг внутри его что-то екнуло: есть. Но в это время Павлик споткнулся о разбитую ступеньку и неловко скользнул вниз, едва не упав.

– А, черт! – вырвалось у него.

– Тссс! – предупредительно зашипел Лешка.

Нога Павлика зацепила железный прут, который покатился по ступеням. Внизу на прут мягко легла ступня Лешки, он поднял его, взвесил в руке. Что ж, это оружие лучше трухлявой дубинки.

– И здесь никого, – громко сказал Павлик, сбежав к Лешке.

А тот остановил его пятерней и сунул в руку деревянную дубинку.

– Думаешь... – не договорил Павлик, так как Лешка почти неслышно сказал:

– Здесь...

* * *

Симона слышала стук его сердца, потому что он грудью касался ее груди, отчего ей было трудно дышать. В отличие от ее сердца, вырывающегося наружу, его стучало ровно и уверенно. Он ничего не боялся, и это было ужасно. Он прикоснулся мокрым лбом к ее лбу, видимо, тоже устал от напряжения и ожидания. Девушку передернуло от брезгливости. Если он взмок, значит, боится. Чего же он боится?

– И здесь никого нет, – вдруг услышала она.

И он тоже услышал.

Нет! Это ее шанс. Единственный. Люди внизу помогут, если подать им знак. Но что делать в этом случае? Только... Изловчившись, Симона укусила руку, закрывавшую ее рот. Разумеется, он непроизвольно – от боли – отдернул ладонь. Хватило одного мгновения, чтобы Симона закричала:

– А!!! А-а-а!!!

Но и он среагировал быстро. Нож с силой погрузился в живот девушки. Теперь из горла Симоны вырывался хрип, но его услышать внизу не могли.

Выдернув нож, он поднялся на ноги и бесшумно метнулся к стене у дверного проема. Он прижался к ней спиной и не дышал. А Симона дышала, то открывая, то закрывая рот. Удушье, перехватившее горло, не давало возможности кричать. Наконец она стала видеть в темноте – перед глазами плавал потолок, один потолок. Острая боль в животе пронзила ее до кончиков волос. Симона прижала к животу ладони. Она пыталась сдвинуть боль, чтобы уменьшить ее, но усилия ее были напрасны...

Павлик и Лешка, услышав крик, замерли, затем рванули наверх. Они определили, что кричали на втором этаже с левой стороны. Вбежав в «квартиру», Лешка схватил Павлика за плечо и отодвинул его в сторону, он решил продвигаться по коридору первым. Тот не стал спорить, пропустил друга, державшего наготове железный прут.

Они шли на цыпочках по коридору, двигаясь по наитию, ибо темнота стояла непроглядная. Коридор-прихожая длинный. Лешка вел рукой по стене. Внезапно ладонь провалилась в пустоту. Юноша определил, что там тоже коридор, но короче, скорее всего, он ведет в кухню. Там не угадывалось жизни, поэтому он пошел дальше по прихожей. Опять пустота, но теперь с двух сторон. Лешка замер, вычисляя, в какой комнате женщина и насильник. А кто еще мог затащить сюда женщину и зачем? Ясно же, кто и для чего.

Павлик, не выдержав напряжения, щелкнул зажигалкой, затрепетал слабый огонек. Лешка оглянулся на друга, чтобы покрутить пальцем у виска, но успел лишь слегка приподнять руку. Он вскрикнул от боли, изогнув спину назад, так как ему под ребра со спины вошел острый предмет и тут же вышел. Лешка упал на стену, выронив прут, который неестественно громко задребезжал. Боль на короткое мгновение вышибла всякое соображение, юноша лишь сползал по стене вниз, словно это могло уменьшить боль.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.